

Опыт нумерологической колористики, или число и цвет

От нуля до троицы

[На главную](#) > [Статьи](#) > [От нуля до троицы](#)

Начнем с попытки самооправдания или, как принято в научном мире, с обоснования актуальности темы... А может быть, не будем оправдываться? Неужели кто-нибудь усомнится в том, что всякий творец (и с большой, и с малой буквы) при создании любой вещи оперирует числами, пользуется счетом, ищет пропорции (т.е. числовые отношения), выстраивает ритмы, приводит части к гармонии?

И разве не наилучших результатов достигает тот создатель вещей (в дальнейшем будем именовать его дизайнер), который проникает в душу вещей, а душа эта — число. Так утверждали философы и мудрецы Древности, так ощущают мир поэты и художники.

Предоставим слово им.

Левкипп: Всё сущее является числами или происходит из чисел.

Пифагор: Числа — души вещей.

Филолай: Всё познаваемое имеет число. Ибо без последнего невозможно ничего ни понять, ни познать.

Платон: ...То общее, чем пользуется любое искусство, а также рассудок и знания; то, что каждый человек должен узнать прежде всего — я называю это числом и счетом.

Плотин: Мы нашли, что число — до сущих и до сущего. Число созидает сущее. Числом является сам ум; и если душа зависит от ума и живет его смыслом, то и душа есть число.

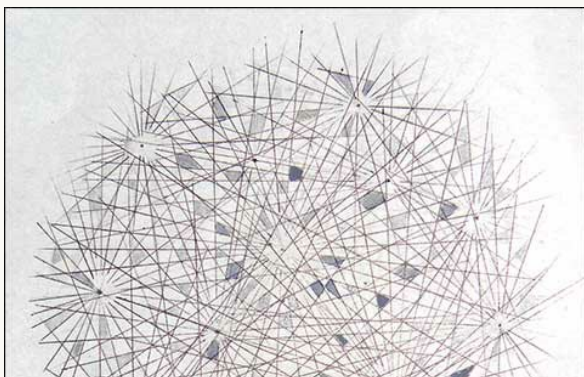
Платон: Высшая мудрость — это наука о числе. Всё, что относится к области искусств, каким-то образом причастно измерению.

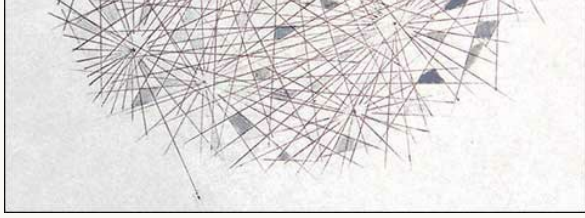
А теперь по существу.

Мы привыкли начинать счет с единицы. Однако, в самом начале, до сотворения мира, были два числа — ноль и бесконечность. Эти числа материализовались в древнем хаосе, изображаемом в античных мифах. Все остальные числа существовали в потенции в виде идей (эйдосов), «литейных форм» или матриц, с которых по мере сотворения космоса были отлиты (отпечатаны) все вещи.

Яркую картину Хаоса изобразил Овидий (если ярким может быть сплошной мрак):

*Не было моря, земли и над всем распростертого неба,
Лик был природы един на всей широте мирозданья, —
Хаосом звали его. Нечлененной и грубой громадой,
Бременем косным он был, - и только, - где собраны были
Связанных слабо вещей семена разносущные вкупе.
...Воздух был света лишен, и форм ничто не хранило...*

Хаотическое состояние эфира заполненного световыми волнами.

В этой картине стали явными два числа — ноль (отсутствие света, форм, порядка) и бесконечность (хаос простирается на всю вселенную, всё мировое пространство). Цвет хаоса, таким образом, черный, а число черного — и ноль, и бесконечность. Поскольку оба эти числа относятся к одной сущности, то они тождественны, т.е. равны.

Получаем первую парадоксальную формулу: $0 = \infty$ (бесконечности).

Однажды наступил момент, когда Творец почувствовал трансцендентное желание прервать своё бездействие и сотворить мир. Для этого потребовалось немного: оплодотворить косный материал хаоса творящим Словом. И вот по слову Его возникли небо и земля, вода и суша, верхняя и нижняя твердь.

Теперь требовалось увидеть результат этой деятельности, и Демиург сказал: — *Да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош; И отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один.* (Бытие 1: 3-5)

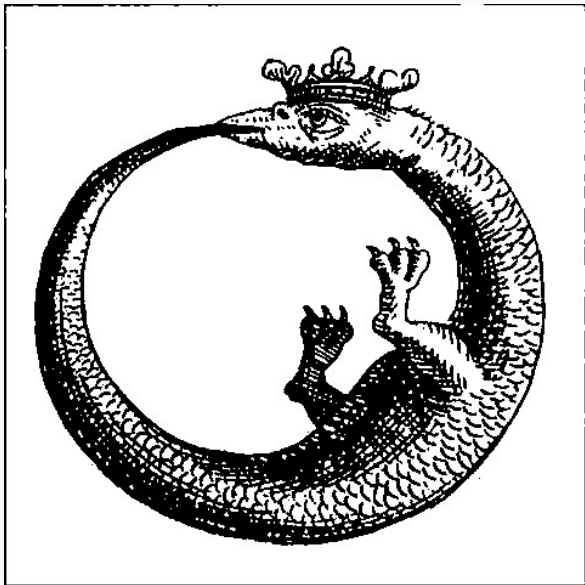
Свет был настолько хорош, что боги всех народов присвоили себе его сияние: Амон-Ра, Атон, Ахура-Мазда, Савитар, Агни, Ушас, Брахман, Пуруша, Рудра, Зевс, Ирида...и, наконец, Спаситель, Иисус Христос. — *Я свет миру, — возгласил Сын.*

Откуда появился свет? Как и всё остальное — из мрака.

— *Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос...* (Гомер)

Античные космогонические мифы придают этому процессу наглядное оформление:

— *Из Хаоса родились Эреб (Мрак) и черная ночь.
А от Ночи произошли Эфир и Денница,
Которых она родила, зачав от Эреба
В любовном совокуплении. (Гесиод)*

Согласно гомеровскому и орфическому мифам творения, великая богиня-мать Никта-Эвринома (Ночь) зачала дитя от северного ветра (Борея) и, превратившись в морскую голубку, снесла во чрево Эреба Мировое серебряное яйцо. Из него и появился Эрот Протогон, которому Орфей посвятил один из своих прекрасных гимнов:

— *О Протогон, дуприродный, великий, парящий в эфире,
Ты из яйца золотого родился, Эрот златокрылый.
...Вечный скиталец, что взмахами крыльев низводит на землю
Свет осиянный, за что и зовется пречистым Фанетом.*

Итак, родился Свет. Он был эманацией божества, он появился до Солнца — так гласят и античные мифы, и Священное писание.

Этот первозданный свет отождествляется с Демиургом, которого платоники и неоплатоники называют Ум. И ему, и свету настойчиво и безоговорочно приписывается число **один, монада**. Одно из имен Бога — **Единое**, а цвет его — конечно, **белый**.

Нашим зрением, «плотским оком» мы ясно отличаем белое от черного, свет от мрака. Но такая ли картина предстает перед мысленным взором в мире идей, понятий, эйдосов, архетипов? Оказывается, это светоносное Единое тождественно космическому первозданному мраку.

Иными словами (вернее, числами), оказывается, что $1=0$ или, если угодно, $1=\infty$, так как $0 = \infty$, что доказано выше.

Неоплатоник Синезий обращается к Уму (богу):

*Чисел всех число
Всех единств — одно
Ты одно и всё.
Ты одно во всем.*

В самом деле, разве стихия света не так же едина, как стихия тьмы?

И не так же хаотична? В пространстве, наполненном светом, нет форм, нет упорядоченной структуры, нет доминирующих или второстепенных направлений. Там хаотически смешаны шаровидные волны энергии от множества источников — первичных и вторичных, небесных и земных. И разве всегда сияет свет для зрячего ока? Бог творит и свет, и тьму, по Его собственным словам. В этом нет ничего удивительного, — ведь всё сущее имеет свое инобытие, свою антитезу. Тьма (0) — инобытие света (1), и оба они равноценны, иначе Бог не уравнивал бы их в правах:

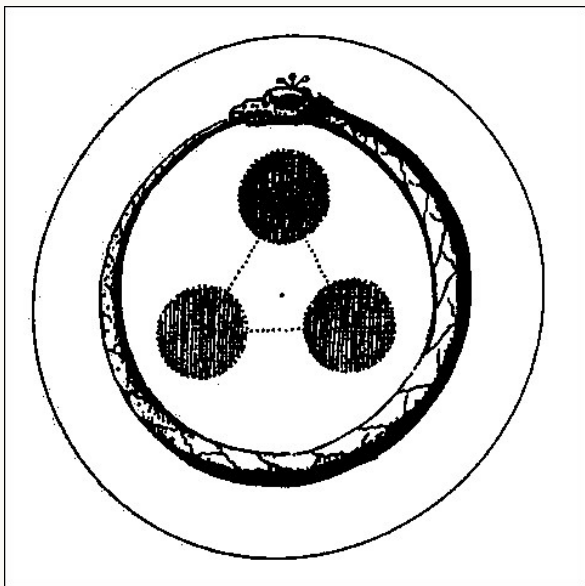
День дню передает речь, и ночь ночи открывает знание. (Пс. 18)

К тому же, сам Бог являлся людям из мрака, как свет из тьмы, как белое из черного.

— Наклонил Он небеса и сошел, и мрак под ногами Его... (Пс. 103)

А если Он является людям, то сияет столь ослепительным светом, что человек теряет зрение. «Бог есть сверхсветлый мрак», — свидетельствует Дионисий Ареопагит. «Божественный мрак — это тот недостижимый свет, в котором, как сказано в Писании, обитает Бог. Свет этот незрим по причине чрезмерной ясности и недостижим по причине избытка сверхсущностного светолития». (Антология мировой философии, т. 1, ч. 2)

Так Единое и светлое превращается в темное и сверхчувственное, $1 = 0 = \infty$.

«У этого было Начало, но не будет Конца».

Такая же метаморфоза происходит на антропологическом уровне, в духовном мире человека. О слепом человеке говорят «темный». Для зрячего существа утрата «света

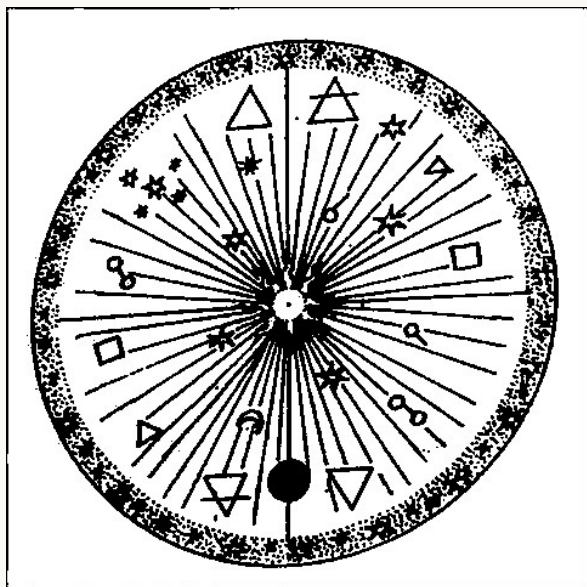
очей» — тяжелая кара судьбы. Но этот внутренний мрак способен обернуться ярким светом провидения, пророческим даром. Афина Паллада ослепила Тиресия в наказание за дерзость — он осмелился созерцать богиню в состоянии ню. Однако другие, более справедливые олимпийцы наградили Тиресия в виде компенсации даром видеть то, что зрячие люди и при ярком свете не видели.

Во всех мифах и сказаниях слепые пророки особенно проницательны — примеров тому слишком много. Тьма очей пробуждает яркий свет разума, трансцендентальный свет сверхсознания. Мистическое прозрение нисходит во тьму незрячих глаз. Выразим эту диалектическую закономерность ещё раз математической формулой: **0 = 1, черное тождественно белому.**

Если угодно, приведем еще один аргумент для вящей доказательности этих парадоксальных формул. Индийская философия Упанишад утверждает, что истинное знание — это знание Бога Атмана, и это знание может снизойти в душу, полностью свободную от зрительных и всяких других образов — туда, где царит **шунья** — полная пустота, ноль ощущений. Это «четвертая пада атмана» — самый верный способ познания божества.

Так пустота заполняется бесконечной полнотой божественного Логоса, Смысла, Света; ноль становится тождествен бесконечности.

При рассмотрении наших нумерологически-колористических проблем было бы несправедливо обойти вниманием современную науку, тем более, что она всё более и более убеждается в правоте древних мифов и античной философии относительно законов бытия. В частности, мысль о полном тождестве света и мрака — это физическая истина. Свет делает видимыми все вещи, но сам он невидим. Ни в какой сверхмощный микроскоп мы в принципе не можем увидеть частицы света (фотоны), потому что мы видим только то, что освещено, а чем же можно осветить глубокий мрак микромира? Вот опять парадокс: **1 = 0**, свет и тьма тождественны, белое равно черному.

«Единый неизменен. Все вещи переменчивы».

Теперь наступило время честно признаться: в наших двучленных формулах незримо присутствовал третий член, без которого эти формулы были бы чистой бессмыслицей. Это — зрячий человек, или попросту зрение. Без этого фактора мы не могли бы поименовать ноль тьмой (или черным цветом), а свет единицей (белым). Там, где нет зрения — нет и цвета; все оптические качества становятся тождественны, или попросту исчезают. Человек и его ощущения служат связующим звеном между противоположными числовыми и цветовыми знаками.

Здесь уместно несколько развить мысль, бегло обозначенную в начале этого текста. Выше было сказано, что в античных философских сочинениях категория числа понимается как идея, как нечто мыслимое, «умное», эйдетическое, сущностное, потенциально-энергетическое. Такое число противопоставляется вещно-определенному, составленному из единиц счета. В области цвета следует также различать мыслимые, ноуменальные, умозрительные или эйдетические, т.е., кратко говоря, «идеальные» и, с другой стороны, «материальные», чувственные, не претендующие на статус основных. Так, например, слово «красный» вызывает в нашем представлении некий архетип, или парадигму красного, сравнимого с огнем, кровью, цветком мака. Если же мы видим красный предмет, то он далеко не всегда

соответствует архетипу. Мы воспринимаем конкретный вид красного: кирпичный, морковный, томатный, алый, клюквенный, вишневый, малиновый и т.д.

До сих пор, как и в дальнейших наших рассуждениях, говоря о цвете, мы имели и будем иметь в виду именно эти цветовые «ноумены», идеи; им соответствуют идеальные числа-эйдосы, по терминологии античных философов.

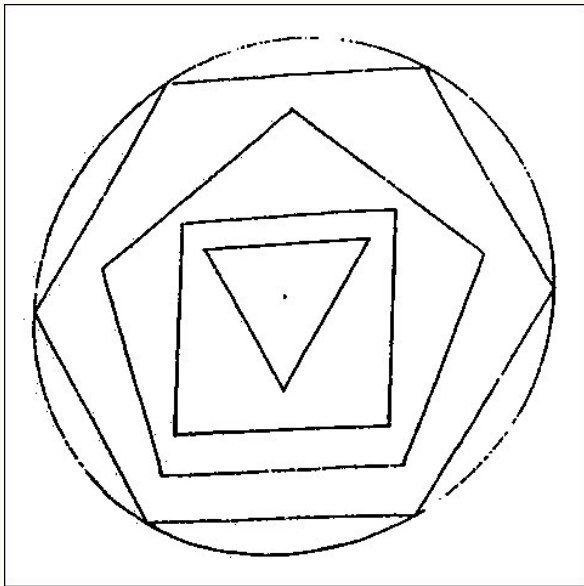
Теперь займемся хроматическими цветами и их нумерологией. Здесь нас также ожидают парадоксальные формулы. Неоплатоник Прокл в своем труде «Первоосновы теологии» (V век) утверждает, что все элементы множества единичны, и, стало быть, тождественны. — *«Всякое множество состоит или из объединенностей, или из единиц.»* (А.М.Ф., т. 1, кн. 1)

В самом деле: **белый** — это объединенность всех хроматических (чистых) цветов. Мы соотносим его с единицей, но так же единичны каждый из семи составляющих спектр цветов; они пространственно разделены и обособлены друг от друга, каждый имеет свое название, поскольку физические характеристики этих цветов и их действия на зрение человека различны.

В диалоге Платона «Филеб» мы читаем, что *«...цвет...как нельзя более подобен (другому) цвету, и именно потому, что всякий цвет есть цвет, и один цвет нисколько не будет отличаться от другого;»* — на уровне идеи, понятия, — добавим мы. Если же взглянуть на феномен телесным оком, то, продолжает Платон (устаами Сократа), — «черный цвет не только отличен от белого, но и прямо ему противоположен», — что, опять-таки, совершенно справедливо (Платон, т. 3, ч. 1)

Суть этого сократического диалога выражается в терминах арифметики так:

$$1 = 1 + 1 + 1 + 1 + 1 + 1 + 1$$

«Двойность справедливого знака».

Исходя из сказанного, ясно, что все наши парадоксальные формулы не являются в полном смысле математическими, а скорее нумерологическими, поскольку символы, содержащиеся в них — это не арифметические знаки, а смысловые единицы, образы, или эйдосы (по Платоновской терминологии). Ими нельзя оперировать как числами, их нельзя складывать, перемножать и пр. В самом деле: если Бог — неизреченное число, Единое, Свет миру — можно ли Бога на что-то умножать или делить? Можно ли от идеи Света что-либо отнять? **Монада, диада, триада и прочие «объединенности» подобны изваяниям из камня, они вечны, неразрушимы и вездесущи.**

Л.Леви-Брюль, исследователь культуры аборигенных народов Северной Америки, обнаружил, что отношение их к числам весьма сходно с доктринами Пифагора и его школы. В сознании аборигенов *«каждое число имеет свою собственную индивидуальную физиономию, своего рода мистическую атмосферу... каждое число...чувствуется по-особому, не так, как другие. Мистическая обособленность каждого из чисел приводит к тому, что они не складываются, не умножаются, не вычитаются и не делятся. (Числа являются) скорее мистическими реальностями, чем арифметическими единицами»* (Л. Леви-Брюль. Первобытное мышление).

Согласно теории пифагорейцев, числа — души вещей, рукотворных и нерукотворных, тварных и нетварных, а стало быть, и души всех красок и цветов. Выше было сказано, что каждый цвет единичен, обособлен от других. Однако существовать в одиночестве он не может. **У всякого цвета есть пара, и вместе они образуют диаду, символизируемую числом.**

Можно попытаться проследить историю возникновения цветового космоса, подобно тому, как в мифах изложена история сотворения мира. Белый цвет, т.е. свет, был, конечно, прародителем цвета. Он породил первую пару хроматических цветов, и для этого ему не потребовался брачный союз с кем-либо или чем-либо. Достаточно было только встретиться с первозданной стихией — небом, которое разделило световой поток на два хроматических цвета — желтый и синий. **Это первая диада, начало хроматизма.**

Но ведь было уже «предначало этого начала» — была диада белого и черного — Неба и Земли, а также диада состояний мира — хаоса и космоса. Идя далее, мы видим, что всякая вещь и всякое понятие имеют свою противоположность. Похоже, что закон симметрии — основной закон бытия (*и не только я так думаю*). Естественно, что и цвета подчиняются ему. Для того, чтобы увидеть пару взаимно-дополнительных цветов, достаточно провести диаметр в 10-ступенном цветовом круге: концы диаметра укажут на симметричную пару цветов. (см. раздел «Цветовые системы» в главе «Теория» на нашем сайте). Симметричные пары образуют также **контрастные цвета** («Цветовые системы»).

«Три не существуют отдельно от Единого, и Единый неотделим от Трех».

Поскольку человек весь состоит из противоположностей, зрение его также нуждается в контрастах; монаде наш глаз предпочитает диаду. В физическом плане все симметричные системы необходимы и разумны (если природа нуждается в категории разума), стало быть, диадичность не подлежит нашему суду и оценке как принцип. Однако наблюдается интересный факт: в нумерологии число два, а также четные числа первой десятки традиционно полагаются негативными: это начала зла, беспорядка, разрушения (*хотя есть и другие значения, о которых будет сказано в своё время*). Пифагор считает диаду «неопределенной», но универсальные начала мира он представляет как 10 пар противоположностей: предел и беспредельное, нечет и чет, единое и множество и т.д. Не странно ли это? Пифагор, устроитель порядка и определенности во всех делах человеческих — в музыке, математике, педагогике, религии — конструирует систему универсальных категорий бытия при помощи неопределенных диад. Как видно, даже его гений не сумел преодолеть прочности этого числового архетипа.

Первобытные и примитивные культуры, а также мифы народов мира оставили нам свидетельства негативного отношения ко всему двойному, двойственному, внутренне противоречивому. В ритуальных статуэтках, символических знаках и петроглифах ясно просматривается стремление заменить диаду монадой или триадой. Противоположности объединяются в едином и неразложимом образе: «мезинские птички», «тразименская находка» — это пластические каламбуры, соединяющие женские и мужские признаки. Срачивание человека и животного (кентавры, русалки, гарпии), двуполые божества (Эрот, Кришна, Индра...), трансвестия полов (Шикхандин из Махабхараты, персонажи мифов маори...) — всё это можно понимать как протест против деления человечества на два пола, а также против отделения животного мира от человеческого. Многие аборигенные

народы Африки, Австралии, Новой Гвинеи считают двуполость признаком божественности, так как божество вмещает в себя всё сущее, оно тотально. Поэтому при инициации неофитов один из ритуалов производится с целью придать посвящаемым признаки другого пола, и тем самым усовершенствовать их, приблизить к божественному идеалу (М. Элиаде. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения).

Книга Бытия содержит немало примеров гибельности всякого раздвоения, разделения, двоичности. Человеческие драмы начались после того, как у Адама появился антипод в лице Евы; сама смерть пришла на землю впервые в результате вражды между двумя братьями — Каином и Авелем. Да и первый конфликт Бога с человеком произошел от разделения съедобных плодов на дозволенные и недозволенные.

«Царствие, Хвала и Слава Единому Триединому».

В мире цвета диада не производит столь разрушительного действия. Разделение белого на ряд цветовых пар было благоприятно и для зрения, и для души человека. Монохромия в больших количествах утомительна. А цветовая пара дает возможность глазу летать, подобно бабочке, от одного цветка к другому, получая от этого танца и радость, и пользу. Если же нет в поле зрения дополнительных цветов, то всегда найдутся более или менее контрастные пары по яркости или насыщенности. Без контрастов, то есть без цветовой диады, невозможно зрительное восприятие ни формы, ни пространства; может некоторое время оставаться только чистое ощущение цветового тона. Да и то вскоре оно исчезает. Свет становится тождествен темноте; $1 = 0$.

Так мы приходим от разделения к объединению в акте отрицания противоположностей (получается в точности по Гегелю, не правда ли? Тезис — антитезис — отрицание отрицания).

Множественность хроматических цветов с неисчислимым количеством их парных сопоставлений выражается числом (**бесконечность**), но основных пар, или архетипов цветовых диад -четыре: три хроматических и одна ахроматическая.

Внимательный читатель может заметить: выше уже сказано, что все числа тождественны, а стало быть, члены любой диады не только противоположны, но и равны. В физическом плане это научный факт, поскольку один член цветовой пары в нашем органе зрения не может существовать сколько-нибудь долго. Он немедленно порождает второй член — контрастный цвет.

Философия чань-буддизма не разделяет антиномий. Неустойчивость диады преодолевается объединением крайностей. Третий чаньский патриарх Сэн-цан (V век) утверждает неразличимость субъекта и объекта:

*Знай, что относительность этих двух
Пребывает в абсолютно единой пустоте,
В единой пустоте этих двух не расчленишь,
Нельзя сказать та и эта.
Если сердцем постиг истину,
Десять тысяч вещей едины по своей природе.
Одно во всем и всё в одном.*

Великий Платон преодолевает неустойчивость диады другим способом — он примиряет противоположности путем введения третьего члена, связующего два первых. В диалоге Тимей он излагает теорию пропорции — трехчленной структуры:

«Хорошо связать только два предмета без третьего невозможно; потому что в середине между обоими должна быть соединяющая их связь».

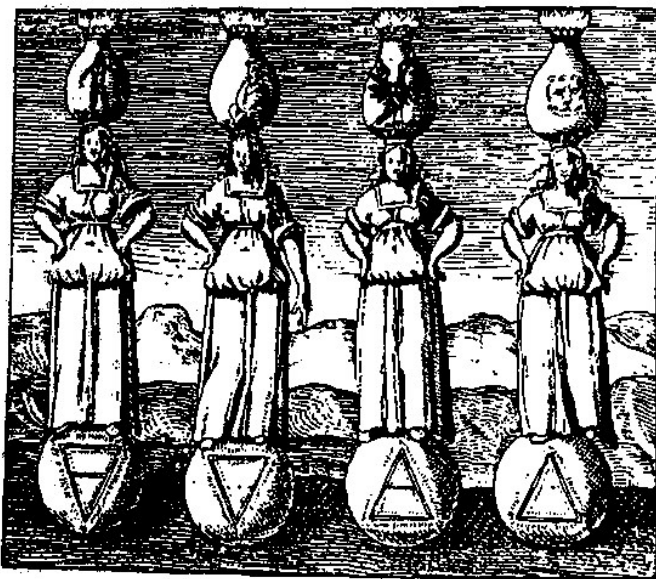

Алхимические символы диады (Регис), триады Начал, четверицы основных элементов (стихий).

ЧИСЛОВАЯ ТРИАДА — поистине вездесущая конструкция.

В любом процессе существуют три стадии: начало, середина и конец. Диада положительного и отрицательного в волновом движении превращается в триаду, если учесть промежуточное состояние нейтральности. Противоположность тьмы и света примиряется их смешением — цветом (если сомневаетесь — почитайте Платона, Гете, Шеллинга...).

Триада — священное число в культуре всех народов (кроме разве что самых первобытных и диких, умеющих считать только до двух). У Платона числом 3 исчисляются состояния души человека, сословия в государстве, человеческие удовольствия; и даже самое число — это тройственная структура — единство предела и беспредельного, замыкаемое третьим членом — числом (иными словами, все числа находятся между 0 и ∞ (нулем и бесконечностью)). Получается, что диады как бы и не существует: при ближайшем рассмотрении она оказывается Единым или Троицей (триадой).

«Треугольные символы четырех стихий».

В этой мистической игре числовых Эйдосов можно усмотреть разгадку тайны троичности древних богов — начиная с Эрота и его матери Никты (Эвриномы). В телесной ипостаси их было двое, но в численном выражении трое, т.к. Эрот, сожительствуя с матерью, был сам в себе и сын, и отец.

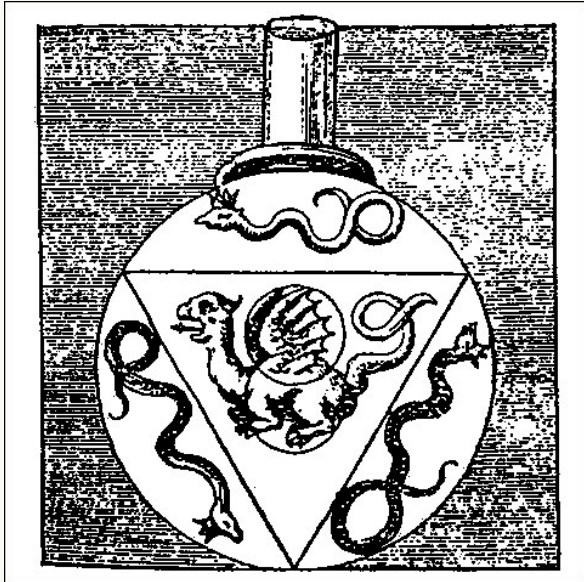
Первые древние боги существовали в трех ипостасях: подземной, наземной и небесной, соответствующих трем временам года — зиме, весне и осени. К каждому из этих сезонов они меняли цвет: черный — белый — красный. Эта цветовая триада названа первичной, т.к. мы встречаем ее в культуре и искусстве всех времен и народов, от палеолита до нашего времени (см. В. Тэрнер. Символ и ритуал. М. 1983) Идея троичности прочно и навеки воздвигнута на небесах, подобно идеям Монады и Диады.

Трехцветные системы хорошо известны художникам и всем, кто работает с цветом. Одна из них — красный, зеленый и синий — названа триадой основных цветов, т.к. из них путем слагательного смешения образуются желтый, голубой и фиолетовый, а также все промежуточные оттенки. Для получения различных цветов путем вычитательного смешения используется триада основных красок — красная, желтая и синяя. Зрительные ощущения человека складываются из трех цветовых сигналов, производимых нашим аппаратом цветового зрения по всем правилам слагательного смешения (см. раздел сайта «Теория»).

Так подтверждается гениальная гипотеза Аристотеля: Быть видящим значит быть каким-то образом причастным цвету.

Впрочем, это можно считать следствием более общей глобальной теоремы — «всё во всём», повторенной много раз в греческих, индийских, египетских текстах.

Добавим напоследок, что всякий отдельно взятый цвет можно измерить, и число его измерений — три (необходимых и достаточных); так же измеряется в декартовых координатах всякая вещь макромира и самое пространство, в котором мы обитаем.

Три змеи и треугольник – символ Трех начал. Сера, ртуть и Меркурий (ртуть).

В заключение этой первой статьи опять предоставим слово Платону: «...Всё, что причастно чему-нибудь дурному, лишено какого бы то ни было числа. Именно так должен мыслить об этом тот, кто собирается блаженно окончить свои дни. Точно так же никто, не познав числа, никогда не сможет обрести истинного мнения о справедливом, прекрасном, благом и других подобных вещах»...

Впервые статья была опубликована в журнале «Ргодизайн», №8

[На главную](#) > [Статьи](#) > [От нуля до троицы](#)

Copyright © 2004—2005 [Миронова Ленина Николаевна](#), [Иванов Дмитрий Григорьевич](#)

Опыт нумерологической колористики или число и цвет

Квартернер

[На главную](#) > [Статьи](#) > **Квартернер**

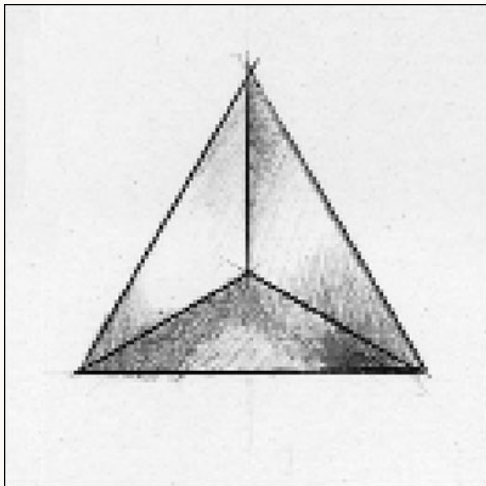
*Когда мерцает в дыме сел
Сверкнувший синим коромысел,
Проходит Та, как новый вымысел
И бросит ум на берег чисел.
(В. Хлебников)*

Число четыре (четверица, кварталернер) — поистине удивительное число. Где только мы его не встречаем: в раннем детстве слушаем колыбельные песни, стишки и прибаутки на четыре счета, потом заучиваем считалочки в том же бодром ритме, потом берем тетрадки и книжки по арифметике, где на бумаге, покрытой квадратиками, выводим примеры на четыре правила арифметики. Нам внушают, что дважды два будет четыре ... Немного подросши, покупаем в кубическом ларьке заманчивые квадратные пакетики с орешками, сигаретами, компакт-дисками... Еще немного возмужав, позволяем себе четвертушку чего-нибудь тонизирующего и критически оцениваем все четыре фасада знакомых девушек — какой лучше всех? Это кому какой... Окончательно повзрослев, сидим за столом (рекомендую четырехугольный — самый удобный), взираем на окружающий мир через квадратные рамы окон и не критически воспринимаем четырехугольность всей современной городской архитектуры, неумолимо и беспощадно четырехугольной как в массах, так и в деталях. Наконец, свершив свой жизненный путь, мы укладываемся в прямоугольный ящик (сиречь гроб) и в могилу такой же конфигурации.

Все это знакомо любому жителю, и может быть дополнено еще множеством примеров. Здесь удивительно только изобилие наших встреч с числом 4 и с предметами, в основе которых заложена идея четверицы. Еще более удивительна многогранность смыслов четверицы и универсальность категорий, отмеченных этим числом. Назовем некоторые из них.

I. Земное и небесное.

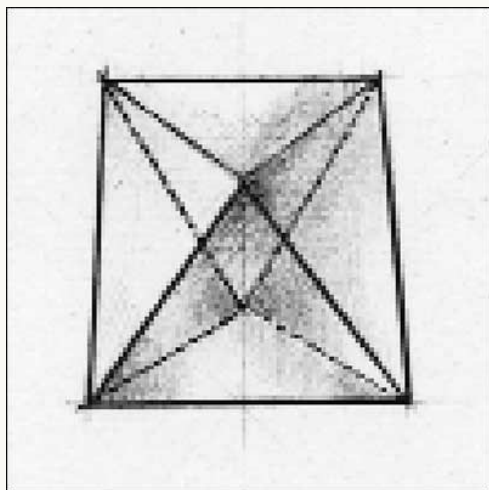
Как только обращаем взор вниз, на Землю, так обязательно видим четверицу — устроительницу земного вещества, земного времени и пространства. Все вещи мира были созданы из четырех первоначал (или стихий) — земли, воды, воздуха и огня.

Тетраэдр — огонь.

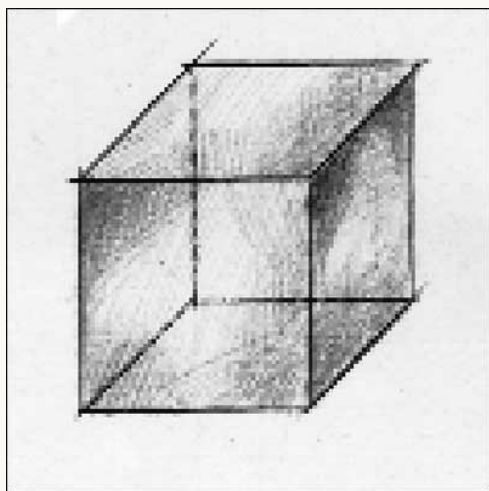
В свою очередь, каждая из этих стихий сформировалась из геометрических тел: земля — из куба, вода — из икосаэдра, огонь — из пирамиды, воздух — из октаэдра. Сотворению каждой из этих стереометрических фигур предшествовало число, и самое активное формообразующее число для всех этих многогранников — четыре.

Мы с вами делим год на четыре квартала (сезона), а пространство — на четыре стороны света. В мифологии древних народов всем временам года и сторонам света были присвоены различные цвета, составляющие четырехцветные системы. У греков это красный (огонь), черный (вода), белый (воздух) и желтый (земля); у китайцев — красный (восток), желтый (юг), белый (запад) и черный (север).

Октаэдр — воздух.

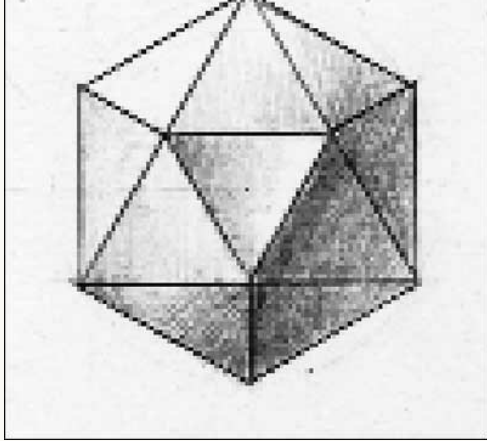
Поскольку числа — души вещей, то их, как и все вещи, можно подразделить на материальные и духовные, земные и небесные, божественные и человеческие. Так, если троица — число божественное и духовное, то четверица — скорее человеческое и материальное по природе. А там, где видите четверицу в святыне — знайте, что святыня эта снизошла с неба на землю, что она удостоила земной мир своим временным присутствием. В примерах недостатка нет: христианский крест, на котором был распят Спаситель; четыре столпа и четыре стены храма — обителица Бога и модели грядущего царства Божия, четыре опоры для купола — символа Неба, четыре великих библейских пророка, столько же апостолов и святых Евангелий... Сам небесный Иерусалим в видении Иоанна Богослова представляет собой квадрат, обнесенный четырьмя стенами — квадратами. И этой святыне тоже предстоит опуститься на землю после ее обновления и очищения от всякого беззакония. Человек, делающий святое и богоугодное дело, исчисляет реалии своей жизни в числах, кратных четверице или содержащих ее. Так праотец Иаков для исполнения божьего Завета, т.е. умножения племени Израиля подобно песку морскому, имел четырех жен — двух законных и двух наложниц. Они довели число родоначальников колен израилевых до двенадцати, т.е. трех четвериц. Четверо животных, (2) окружающих небесный престол Сидящего на нем, воплотились в земной ипостаси, чтобы стать спутниками апостолов — строителей церкви Христовой, а один из них — агнец — хлеб живой, спешший с небес.

Куб — земля.

Наблюдается также обратная зависимость: если в небесных сферах, в нездешних обителях имеется что-то позаимствованное из земных реалий, то этих реалий — четыре. Так, из Рая вытекали четыре реки — Фисон, Гихон, Евфрат и Хидекель; в мусульманском раю было четыре сада, темнозеленые, обильные водами, плодами и всякими благами. Вопрос: сколько церквей должно быть в стольном граде для спасения души христианина? В царской Москве их было сорок сороков, т.е. четыре четверицы, взятые сто раз.

Икосаэдр – вода.

II. Зримое и умопостигаемое.

Четверица является нам в образах, воспринимаемых нашими чувствами — зрением, осязанием, слухом, мышечным усилием. Вот Луна — мы видим четыре фазы ее формы. Вот человек — он ходит утром на четырех ногах, да и после нередко уподобляется животным в этом удобном способе передвижения.

Премудрый Соломон наблюдает четыре феномена, которые не может понять: пути орла на небе, пути змея на скале, пути корабля среди моря и пути мужчины к девице. Возникает вопрос: почему так мало? Неужели все остальное понятно? Много несправедливостей творится на земле; Соломон называет четыре самых вопиющих, от которых трясется земля и которых она не может носить (прочитайте об этом в Книге Притчей Соломона, 30; 21-23).

А почему наши мышцы более чувствительны к тяжестим, если их вес выражен в фунтах или пудах? Почему пуд тяжелее, чем 16 кг, а фунт тяжелее, чем 400 г? В самом слове «пуд» ощущается большая тяжесть, которой нет в голом числительном «шестнадцать» или в безличном «кг». Пуд сродни словам бум, бом(ба), бам, бан(да). Все это обозначения чего-то громкого, опасного, тревожного, напряженного, тяжелого, как пуд.

Вместе с тем множество вещей, недоступных ощущениям, т.е. умопостигаемых, также отмеривается четверицей. Платон приводит четыре аргумента в доказательство бессмертия души. Он же полагает началами всех вещей триаду: предел → сущность ← беспредельное. Но то, что созидает все вещи и объединяет три начала — это четвертая категория — причина. (3)

Кораническая наука насчитывает четыре корня ислама: здоровые верования, искренность в стремлении к цели, память о законе, верность обету. (4)

Будда Гаутама в момент просветления открыл четыре фундаментальные истины, а также Благородный восьмеричный путь, ведущий к прекращению страдания. Среди названных Буддой компонентов этого пути четыре состоят из четырех действий (физических или умственных), и один — из четырехжды четырех. Остальные два пункта этого перечня составлены в сумме из четырех подпунктов. Эту сложную музыкальную структуру можно спеть или сыграть на ударных инструментах в четырехтактном ритме — она как будто для этого создана.

Немецкий мистик Якоб Бёме, перечисляя семь свойств Природы, уделяет четвертое место духовному огню, «посредством которого манифестируется свет, являющийся единством». Заметим, что четвертое место в ряду семи — это центрально место; оно придает особую ценность размещенной здесь вещи, категории, сущности (вопреки пословице «Не место красит человека»). По словам Якоба Бёме, в огне и свете «заключена жизнь всех вещей, ... будь то вещи сверхчувственные, разумные или растительные». (5)

Четверица была сакральным числом у древних народов и остается таковой у аборигенных племен. Так, полинезийский народ Маори почитает божество Вакан Танка, состоящее из четырех видов вакан по четыре существа в каждом виде — итого шестнадцать разных существ, но все они — «все равно, что одно». Математически это можно выразить красивым уравнением:

III. Физическое и психологическое.

Все мы любим иногда побороть немного научный и технический прогресс: поводы всегда найдутся. Но великое достижение науки XX века, свободное от сомнений и упрека — это открытие роли четверицы в самой глубине микромира, в природе атома. Электрон недоступен нашему зрению, но мы знаем, что его место в атоме и его индивидуальность определяется набором четырех квантовых чисел. (6) Если в атоме есть другие электроны — они имеют свой набор из других четырех чисел, подобно тому, как абоненты телефонной сети имеют свои индивидуальные номера. Почему этих чисел именно четыре?

Вот вам, читатель, хороший предмет для размышления. Сказанное выше уже содержит в себе намек на ответ. Далее добавим еще нечто. Вот, хотя бы, изречение Карла фон Эккартсгаузена: «Двойная четверица содержится в системе творения». (7)

К этому можно добавить: поскольку человек входит составной частью в систему Творения, то и главный его орган — душа — содержит четыре начала: ум, знания, мнение, ощущения, от которых происходят (если верить пифагорейцам), «всякое искусство и всякая наука, и благодаря которым мы разумные существа»... (8)

Пифагорец Филолай приписывает бытию четыре высших свойства: эрос, дружба, целеполагающий разум и мысль. Это, как принято считать, исключительно душевные свойства человека — венца Творения. Однако философы школы Пифагора распространяли названные четыре свойства на всю природу; эти категории были для них своего рода священными заповедями; пифагорейцы клялись четверицей, почитая ее величайшей клятвой:

*Нет, клянусь передавшим нашей главе четверицу,
Вечной природы исток и корень в себе содержащу. (9)*

Уместно вспомнить, что сам Аллах тоже клялся математическими понятиями наравне с небесными ценностями:

1. *Клянусь зарей и десятью ночами,*
2. *и чётom и нечетom,*
3. *И ночью, когда она движется!*

Разве в этом — не клятва рассудительного? (10)

Вернемся к проблемам психологии. Ученые древности различали четыре типа людей по темпераментам: сангвиники, холерики, флегматики и меланхолики. Такое же разделение сохраняется в принципе по сей день (хотя наука сильно усложнилась). Современные психологи различают четыре типа поведения, связанные с предпочтениями четырех цветов: красный, голубой, зеленый, желтый. Каждому из этих цветов соответствует определенное чувство самовосприятия, например:

красный — самоуверенность
голубой — удовлетворение
зеленый — самоуважение
желтый — свобода (самовыражение).

Этими четырьмя цветами также кодируется самооценка (11).

При помощи цветовых тестов Люшера исследуется характер человека и его психологические особенности. Тот или иной выбор основного цвета может быть определяющим, но психологи полагают, что «нормальный» человек должен быть «четырёхцветным», т.е. гармонично сочетать в своей психике различные черты; здесь Макс Люшер полностью солидарен с учениями древних, которые связывали темперамент человека с преобладанием в его природе одной из четырех стихий — огня, земли, воды или воздуха. Правда, в тестах Люшера эти стихии окрашены не так, как у Эмпедокла, а

именно:

- Огонь: желто-красный
- Вода: темно- синий
- Земля: сине-зеленый
- Воздух: светло — желтый

Древние китайские учения даосизм и конфуцианство, внимательные к внутреннему миру человека, сформулировали правила духовного самосовершенствования. Их четыре:

1. *Очищать свое сердце, дабы освободиться от суетных работ.*
2. *Вникать в книги, дабы постичь принципы вещей.*
3. *Бежать легкой славы, дабы охватить весь мир.*
4. *Искать дружбы возвышенных людей, дабы совершенствовать свои манеры. (12)*

Мусульманское учение суфизм, рассматривая динамику развития сознания человека, выделяет в этом процессе четыре этапа, сравнивая их с четырьмя различными видами движения — от хождения по земле до хождения по воде. (13)

Откуда такая мифическая власть числа четыре? Почему так универсальна четверица? С точки зрения философа некорректно вопрошать о причине самой причины (ведь мы уже знаем, что квартернер — причина единства раздвоенного). Если ставить вопрос так — можно утонуть в «дурной бесконечности», т.к. конца вопрошаниям о причине в принципе нет. Но если обратиться к законам колористики и простой арифметики, — это может, как говорится, пролить свет на проблему.

Думается, тут есть четыре причины:

1. Астрономическое и космогоническое четырехчастное деление времени и пространства.
2. Наличие таких же пространственных соотношений в теле человека и оптимальная конфигурация искусственного пространства обитания человека.
3. Общность четверицы с триадой и пентадой (с числами 3 и 5),

центральное положение квартернера между этими числами. Чтобы получить четыре, нужно к трем прибавить единицу, или от пяти отнять единицу (несложно, правда?) Таким образом, четверица являет собой образ совершенства и добродетели по отношению к своим соседям из натурального ряда: к ней ничего нельзя ни прибавить, ни убавить, т.к. три — для счастья мало, а пять — чересчур. Читатель, не забывай, кто еще рассуждал подобным образом: не то автор «Письма к ученому соседу», не то Козьма Прутков... Так рассуждали Дионисий Фрейер, Эккартсгаузен, алхимики и прочие мистики. Почему же нам нельзя?

4. И, наконец, хорошие колористы видят в четырехцветии ту полноту и самодостаточность, которые не требуют (и даже не терпят) дополнения. Хроматические трёхцветия — сами по себе устойчивые структуры, но чувствительный глаз не ощущает в каждой из них космической полноты, завершенности и удовлетворения. Если же к триаде добавить четвертый хроматический цвет, то такая система воспринимается как многоцветие, хотя четыре — это еще не предельное число возможных красок. Четырехцветие удовлетворяет стремлению органа зрения (и психики) к разнообразию ощущений и тем самым — к богатству эмоциональной жизни, к обилию ценностей бытия.

Использование более обширной хроматической палитры создает впечатление сверх — обилия, которое, безусловно, может быть уместно в искусстве, но при длительных контактах с человеком утомительно. Четырехцветие — это ни много, ни мало, а как раз оптимально соответствует возможностям и потребностям человека в общем случае, т.е. в нормальном жизненном процессе.

Может быть, пифагорейцы потому так почитали четверицу, что сумма первых четырех чисел натурального ряда составляет божественную декаду — число десять ($1+2+3+4=10$). Таким образом, в четверице содержится не только колористическая, но и нумерологическая полнота. Пифагореец Филолай заметил близость в отношениях Тернера и Квартернера, возможность их взаимных превращений путем простых операций, а в стереометрических фигурах — внешнее сходство до неразличимости. Трехгранная и четырехгранная пирамиды, будучи поставлены на плоскость, неразличимы. Филолай решил отметить этот интересный факт дружбы двух чисел: угол треугольника он посвятил четырем мужским божествам: Кроносу, Аиду, Аресу и Дионису. Напротив, угол квадрата он посвятил трем Великим матерям: Гее, Деметре и Гестии.

«Таким образом, — замечает Прокл в комментариях к Евклиду, — четверичная Троица и троичная Четверица, причастные к производительным и творческим благам, содержат целиком весь мирострой рожденных вещей». (14)

Если же перемножить троицу и четверицу — получается величественная и многоуважаемая двенадцатирица, дальше которой нет ничего значительного в натуральном ряду, кроме бесконечных производных от предшествующих членов ряда.

IV. Строгость математики и свобода поэзии.

Однажды Паоло Учелло, вычерчивая замысловатые ракурсы фигур на своей картине, воскликнул: «О сладчайшая перспектива!» Изучая четверицу и квадрат в их различных ипостасях, я невольно шепчу: «О прекрасный кварталер! Ты способен сотворить чудо нумерологии из простого натурального ряда от 1 до 8 или до 16, а можешь расположить числа от 1 до 100 в такой чарующей гармонической системе, для которой не найдешь достойного эпитета — все будут слабы».

Взгляните, к примеру, на эту простую фигуру:

4	9	2
3	5	7
8	1	6

Сумма чисел в каждом вертикальном столбце равна пятнадцати, в горизонтальной

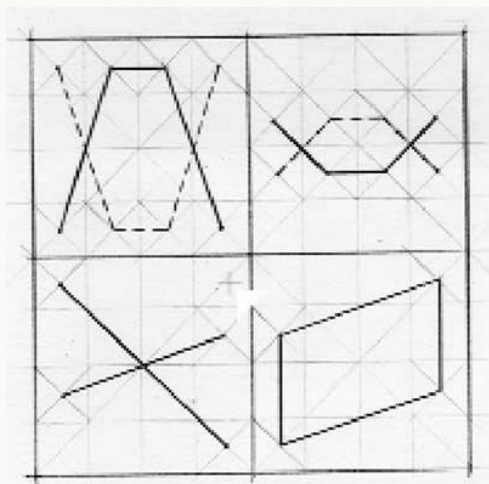
строчке — то же.

Если соединим прямыми линиями все нечетные числа в этом квадрате — получим цифру четыре (4), соединив четные, получим зеркальное отражение цифры ДВА или буквы зет.

Кроме того, в этой фигуре содержатся 6 квадратов и 180 треугольников (проверьте!) Еще более красив магический квадрат из шестнадцати чисел. Здесь суммы чисел по вертикалям, горизонталям и диагоналям равны 34. Мы не будем вычислять количество геометрических фигур, которые можно вписать в структуру этого квадрата. Ваш компьютер поможет вам сделать это быстро и точно.

16	3	2	13
5	10	11	8
9	6	7	12
4	15	14	1

Мы здесь только изобразим четыре интересные фигуры, которые прочерчивает линия, соединяющая числа в порядке натуральной прогрессии 1-2-3-4, 13-14-15-16 и т.д.

Напоследок полюбуемся очарованием четвертера совсем в другой области — в поэзии, музыке, мистических ритуалах... Присмотревшись, видим, что это не просто очарование, а прямо-таки власть, деспотия, гипноз. От античности до наших дней поэты возводят свои четырехстрочные строфы из более или менее многостопных строчек.

*Мне дела нет до Гига многозлатного
Чужда мне зависть, на богов не сетую
И царской власти не ищю величия, —
Все это далеко от взора глаз моих.*

Признается мужественный эллин Архилох.

С течением времени строка становится короче, ямбический стих обретает динамизм и легкость.

*Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечом и правой битвой,
Клянуся утренней звездой,
Клянусь вечернею молитвой... (Пушкин)*

Современная поэзия использует множество форм — поистине свобода поэта не знает ограничений. Но четырехстрочная строфа остается бессмертной классической формой.

Она излюблена не только большими поэтами, но и народной традицией, которая запирает вольную фольклорную стихию в строго канонизированные ритмы частушки:

*У кого не из Парижа
Туфли, плащ, одеколон,
Тот уже из моды вышел —
Извините за пардон. (15)*

И в Европе, и в Азии поэты хранят в памяти число четыре и извлекают его наружу в самых, казалось бы, неожиданных случаях. Великий таджикский поэт Низами сетует на житейские мелочи, мешающие ему сочинять огромное количество стихов в самые короткие сроки:

*... Четыре тысячи стихов и больше
Сложил в четыре месяца, не дольше;
Свободный от житейских мелочей —
Сложил бы их в четырнадцать ночей.*

Эту тему можно дегустировать без конца, однако объем статьи не позволяет.

В заключение вспомним удивительный феномен синтеза поэзии и нумерологии, со-бытия их в сознании и творчестве великого поэта XX века, Председателя Земного Шара, Велимира Хлебникова. Он всерьез занимался вычислением дат исторических событий и открыл закономерность их появления. Он называл число «провоолокой мира», скрепляющей весь универсум.

*И ум, и мир, как плащ, одеты
На плечах строгого числа.*

Так древнее учение о числах возрождается в наше время и получает новую жизнь в творчестве поэтов, художников, мыслителей.

Авторы, процитированные в статье:

1. Эмпедокл.
2. Откр., 4; 6-8
3. Платон «Федон».
4. Элиаде.
5. Бёме.
6. Гастон Башляр.
7. Эккартсгаузен.
8. Фрагменты ранних греческих философов, т.1
9. Там же.
10. Коран, сура 89
11. В.В.Драгунский. Цветовой личностный тест.
12. Роули. Принципы китайской живописи.
13. Идрис Шах. Суфизм.
14. Фрагменты ранних греческих философов.
15. Петр Вегин.

Впервые статья была опубликована в журнале «Родизайн», №9

[На главную](#) > [Статьи](#) > [Квартернер](#)

Copyright © 2004—2008 Миронова Ленина Николаевна, Иванов Дмитрий Григорьевич

Опыт нумерологической колористики, или число и цвет

Пятерица (квинкенер)

[На главную](#) > [Статьи](#) > [Пятерица](#)

*Если мыслить дважды два,
Трижды три уж не помыслишь,
Ну а, скажем, пятью пять -
Так уж вовсе запредельно.*

*... ..
То ли это что-то значит,
То ли так — само собой.*

Дмитрий Александрович Пригов

Действительно, почему многие ученые умы и проникательные мистики усматривают в пятерице нечто демоническое, инфернальное, экстатическое — одним словом, запредельное?

Почему, к примеру, древние греки считали, что в подземном царстве протекают пять рек: Ахерон — нерадостный, Стикс — холодный, Лета — забвение, Кокитос — рыдание и Флегетон — жжение (Спафарий)? За перевоз через Стикс положено было платить один обол, а у кого таких денег не было, те блуждали в Долине Смерти пять лет.

Почему одна из догм Ислама гласит, что есть пять вещей, которые не знает никто, кроме Аллаха великого? И почему в утренней молитве при втором ракате нужно пять раз воскликнуть «Аллах велик!» («Тысяча и одна ночь»).

Бесполезно спрашивать также, почему бог древних персов Ормузд ежегодно открывает врата ада на 5 дней, чтобы некоторые грешники могли выйти оттуда (вероятно, амнистированные)? (Хорхе Борхес. «Книга ада и рая»).

И, наконец, последний удар по хорошей репутации квинкенера (пятерицы) наносит Карл Эккартсгаузен: «Число пять имеет предметом идолопоклонничество и гниение». Он же различает семь степеней восхождения человека к познанию и премудрости, из которых «Пятая степень есть незнание Откровения — вера, еще смешанная с неправильными понятиями. Отсюда многие обращаются назад к тьме и бродят в суеверии и фанатизме». Может быть, суровый приговор пятерице несколько смягчается утверждением великого нумеролога: «Кто узнает, что такое десять в арифметике и познает свойство первого сферического числа пять, тот узнает тайну пятидесяти врат разумения, и великой пятидесятницы, и тысячного колена, и царство всех веков».

В этой сложной и перегруженной смыслами фразе на самом деле речь идет об одном: пятерица и кратные ей числа выступают на сцене там, где говорят о земном, тварном, человеческом. Вместе с тем, числом пять отмечены запредельные силы верхней сферы пространства: боги, духи, небесные светила.

Число пять еще в эпоху неолита было знаком Великой Матери, подательницы жизни, как бы ни называли ее разные народы в различные времена. Пятиконечные звезды и другие композиции с пятилучевой симметрией обозначали солнце, небо, землю и дождь как стихии, родящие жизнь, а также посев, растительность, охоту как источники пищи. Пятичастный знак был символом Богини неба и в то же время Бога земли. Такая амбивалентность в данном случае естественна: ведь жизнь рождается от брака двух этих начал. Богиня земли в течение годового цикла переживает пять состояний, т.к. в древнейшую эпоху год делился на пять времен. Это визуализируется в неолитических и древнеегипетских знаках Богини в виде пяти колец, пяти скорпионов или пяти фигурок матери (Ариэль Голан. «Миф и символ»).

Сам человек и четвероногие животные (особенно бесхвостые) были сотворены в виде

пятичастной структуры; это настолько очевидно, что не нуждается в комментариях. Известно также, что для ориентации во внешнем мире человеку даны пять чувств.

Создатель этого мира четко отделил живое от неживого: пятичастное строение имеют только живые существа — цветы, плоды, листья деревьев, иглокожие. Может быть, потому, что сотворение живых существ началось в пятый день? (Быт. 1, 20). Скоты, гады и человек были сотворены только на шестой день.

Видимо, число пять было угодно Богу Авраама, Исаака и Иакова: свое собственное имя он составил из пяти гласных букв — ИЕОУА. Возлюбленный сын Его, Иисус, также получил имя из пяти букв. Это и не могло быть иначе — ведь Он был Бог живой, в отличие от идолов языческих народов. Ветхозаветные пророки и сам Иисус Христос говорят о Боге как о жизнедателе:

«Я есмь путь, и истина, и жизнь» (Ин 14:6).

«В нем была жизнь, и жизнь была свет человеков» (Ин. 1:4).

Бог-Сын называет себя «виноградной лозой» — не потому ли, что вино может пресуществляться в его кровь, и еще потому, что листья винограда пятичастны, подобно руке человека?

«В пятидесятый день после смерти Христа ученики Его были единодушно вместе, и снизошел на них Дух Святой, и исполнились все Духа Святого» (Деян. 2; 1-4).

Читатель без труда найдет в Библии множество других текстов, где числом пять, пятьдесят, пятьсот и т.д. исчисляется время, количество предметов или людей, величина различных зданий, изделий и прочее. Всё это — вещи земные, материальные, дела рук человеческих, хоть и сотворенные не без божественного руководства.

Напомню напоследок, что древнейшая часть Библии — это Пятикнижие Моисеево, пять первых ее книг, и одна из них называется «числа»; это лишний раз говорит о том, какое значение придавал Господь Бог числам, диктуя своим пророкам Священную Книгу. Если обратимся на Восток, то и здесь увидим множество воплощений числа пять — от космогонической системы до эстетических канонов.

В древней китайской натурфилософии Усин числом пять исчислялись все «первоэлементы» или главные космические категории: времена года, стороны света, главные стихии (вещества), планеты, священные животные; все они маркировались основными цветами, которых также было пять.

Цвет	Времена года	Стихии вещества	Стороны света	Планеты	Живые существа
Зеленый (синий)	Весна	Дерево	Восток	Юпитер	Дракон
Красный	Лето	Огонь	Юг	Марс	Феникс
Белый	Осень	Металл	Запад	Венера	Тигр
Черный	Зима	Вода	Север	Меркурий	Черепаша и змея
Желтый	Конец лета	Земля	Центр	Сатурн	Хуан-ди (правитель)

Герой поэмы Го Сяня Дунфан Шо рассказывает императору о Пятицветных облаках, которые он видел в своих странствиях. Выходя из Облачной горы, они предвещают Поднебесной пять видов благоденствий: зеленые, желтые, красные, белые и черные облака предвещают события, протекающие под знаками соответственно дерева, земли, огня, металла и воды. По Благовещим облакам гадают о счастье или злосчастье:

«В преддверии радостного события облака подымаются, заполняя весь дом, пятицветным сиянием озаряют людей, на травах и деревьях выпадают пятицветные росы, и вкус у тех рос сладостен» (Го Сянь. «Альбом живописи сливы Мэй»).

Пятицветные росы были также лекарством от старости и болезней.

В изобразительном искусстве Китая пятерница занимает почетное место. Число пять выражает единство неба и Земли, т.к. пять равно сумме троицы и двоицы. Древнейшая в мире книга «И Цзин» утверждает: «Из десятка чисел пять принадлежат небу, пять — земле. Более того, нечетные числа неба в сумме составляют 25 (1+3+5+7+9), то есть пятью пять, а сумма земных и небесных составляет 55. И первые четыре числа (1+2+3+4), являющиеся основными, в сумме составляют десять, т.е. две пятерки» (Е. Завадская. «Эстетические проблемы живописи старого Китая»).

Излюбленный объект поэтов и художников Старого Китая — цветок сливы. У него пять лепестков. Изобразить этот цветок и дерево мэйхуа, на котором он растет — дело не простое. В живописи сливы мэй — читаем мы в трактате Чжун-жэня (XII в.) — «нужно знать пять важнейших моментов»: «Первое — ствол древний, сучковатый и искривленный от старости. Второе — главные ветви сплетаются в причудливой форме, сильно повернутые в отдельных местах и пересекающиеся в других. Третье — ветви ясно видны, они не должны сливаться. Четвертое — кончики веточек сильные, их изящество заключается в твердости. Пятое — цветы должны быть необычными, милыми и элегантными».

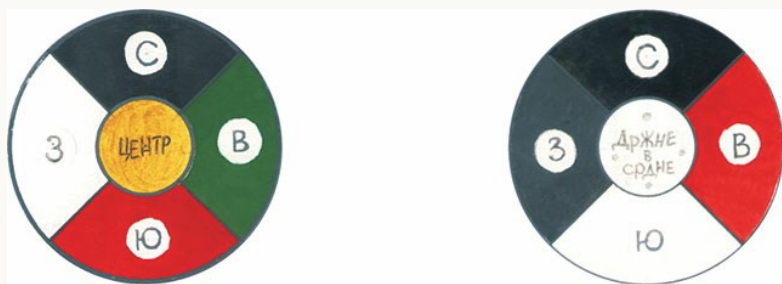
Наслаждение богатством форм и красок было свойственно культуре и старого, и нового Китая. Но уже в древности появляется философия, отрицающая гедонизм и роскошь, как начала разложения и зла. Мудрец Лао Цзы в книге «Дао дэ цзин» полагает число пять избыточным, если речь идет о чувственных вещах: «Пять цветов притупляют зрение, пять звуков притупляют слух. Пять вкусовых ощущений притупляют вкус...» «Драгоценные вещи заставляют человека совершать преступления...». «Стремление получить многое ведет к заблуждениям...». Совершенномудрые «соблюдали дао и не желали многого». «... Нужно указывать людям, что они должны быть простыми и скромными, уменьшать личные (желания) и освобождаться от страстей».

«Дао дэ цзин» порицает изобилие драгоценных предметов, ощущений, эмоций, так как это уводит человека от правильного жизненного пути. Истинный даос довольствуется одним цветом в живописи — цветом туши, одним халатом на всю семью; один двор возле дома заменяет ему весь мир: «Не выходя со двора, можно познать весь мир. Не выглядывая из окна, можно видеть естественное дао» (§47).

Аскетизм даосов даже в древности не был принят как догма для всего искусства старого Китая. В XVIII веке Ван Гай в трактате «Слово о живописи из Сада с горчичное зерно» решительно возражает Лао Цзы: «Пять цветов действительно делают глаз художника острым»... Палитра живописцев становится свободной и многоцветной.

В древней Индии искусство, подражая природе, всегда было многоцветным, здесь невозможно говорить о каком-либо исчислении или нормировании количества красок. Достаточно прочитать «Махабхарату», чтобы убедиться в этом, однако философия и эстетика Индии вводят всю эту чувственную роскошь культуры в достаточно строгие числовые рамки.

Так, в космогонической системе Чхандогья упанишады используются пять цветов: красный (Восток), белый (Юг), черный (Запад) и «очень черный» (Север), а также таинственный цвет, называемый «дрожание в середине» и обозначающий центр системы и Солнце. Строго ограничена также палитра красок для богов: красный, белый, черный, синий и золотой (всего пять).

Интересна в плане нумерологии философия «Абхидхамма-питака» (4-5 в. до н.э.) (Джон Фоли. «Энциклопедия знаков и символов»). Согласно этому учению, весь мир состоит из пяти групп объектов — видимого, слышимого, обоняемого, вкушаемого и осязаемого. Всё это — чувственные элементы феноменального бытия. Они обманчивы, неустойчивы, находятся в борьбе между собой, приводят к ложным воззрениям и идеям, к ошибочному

сознанию. Для достижения счастья и блаженства следует освободиться от феноменального бытия и омраченного сознания. Путь к этому — детальный анализ элементов бытия.

*Без этого нет способа полного их успокоения,
Ведь благодаря омрачению существует океан
Мирского бытия, и в нем живые существа скитаются... (Васубандха.
«Абхидхармакоша»)*

Детальное изучение пяти групп чувственных элементов может способствовать освобождению из-под их власти (т.е. успокоению), а это, в свою очередь, необходимо для достижения нирваны и вечного блаженства.

В учении «Абхидхармы» все сосчитано, так как счет — начало познания. Все пять элементов бытия состоят из некоторого множества видов:

видимое — из двух и двадцати;
звук — из восьми;
вкус — из шести;
запах — из четырех;
осязание — из одиннадцати видов.

Позднее философия дзен-буддизма пересчитывает и канонизирует даже эмоции человека. Их окажется девять, каждая связана с каким-либо цветом и узаконена в литературе различных жанров.

Теперь поэту не нужно мучительно размышлять о природе той или иной эмоции, о средствах ее изображения: названия готовы, колорит установлен, остается лишь проблема подробностей и деталей.

Вернемся на Запад, в более привычное нам пространство западной культуры. Здесь мы видим, с одной стороны, сакрализацию числа пять (см. выше примеры из Библии), а с другой — придание этому числу демонического значения. В Средние века пятиконечную звезду в Европе считали «знаком ведьмы»; по-видимому, оттого что ведьмы были когда-то жрицами древней Богини-Матери. Этот демонический оттенок присущ и сексуальной сфере деятельности человека, поэтому она связана с числом пять (Е. Парнов. «Трон Люцифера»). Об этом достаточно ясно говорят книги Каббалы.

Пятый сефирот (или сефира) дерева жизни — основной схемы Каббалы — означает «знание» (*geburah*). На языке древних евреев слово «знать» тождественно глаголу «познать», то есть «войти» к женщине, что нередко равносильно греху прелюбодеяния. К тому же, пятый знак окрашен в красный цвет. Поэтому в книге «Зогар», одной из каббалистических книг, Гевура названа «нервной, авантюрной, подвижной, сексуальной» (Уилл Парфит. «Каббала»).

В романе Умберто Эко «Маятник Фуко» Гевура характеризуется как «сефира зла и ужаса». В пятой части романа, названной аналогично пятой сефире, много места занимает рассказ о любовных похождениях главного героя (Умберто Эко. «Маятник Фуко»).

Некоторые современные государства изображают на своих гербах и знаменах пятиконечную звезду, например Зимбабве и Марокко (Джон Фоли. «Энциклопедия знаков и символов»). Видимо, это знак почитания их первобытной Матери, все еще не забытой. С культом Матери связано также почитание цветка розы, строение которого пятичленно. В XIV-XV веках английские короли присваивали третьему и седьмому сыновьям гербы с пятиконечной звездой или пентаклем (пятиугольником). Династия Тюдоров изображала на гербе розы: золотую, белую и красную.

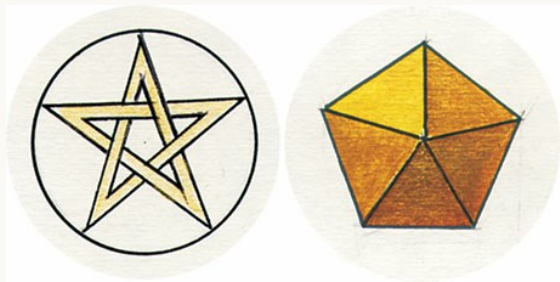
Признаем, наконец, что пятиконечная звезда, несомненно, свалилась с неба. Иначе почему же она обладает такими волшебными свойствами? Ее лучи делят друг друга в отношении SECTION DIVINE — божественной пропорции золотого сечения. Возьмите полоску бумаги шириной 2 см и завяжите ее узлом. Узел примет форму правильного пятиугольника, пентакля. Пифагорейцы в VI веке до н.э. заметили, что пятиугольниками нельзя заполнить плоскость без остатка, наподобие того, как могут заполнить ее другие многоугольники. Зато из двенадцати пятиугольников складывается икосаэдр — 12-угольная фигура, близкая к шару. Этой фигуре была присвоена честь символизировать Вселенную.

Средневековые астрологические календари предписывают в определенные дни, соотносясь с фазами луны, изготавливать пентакли (талисманы) для разных целей: путешествий, поисков источников и кладов, торговли, мореплавания и прочих дел (Е. Парнов. «Трон Люцифера»).

Вы все еще сомневаетесь в божественности пятерницы? Значит, вы солидарны с героиней романа Умберто Эко, которая объясняет своему другу происхождение священных чисел первой десятки. Эта здравомыслящая особа утверждает, что священные числовые символы происходят от устройства нашего тела. Мудрая женщина перепутала причины и следствия (видимо, по умыслу автора): эти числа были заложены в конструкцию человеческого тела именно потому, что они священны.

Другой персонаж романа, не столь здравомыслящий, но зато более проницательный, утверждает, что мир — «это восхитительная перекличка нумерологических соотношений и что прочтение числа купно с его символической интерпретацией — таков цивилизованный путь познания».

Оставим в стороне спор реалиста с мистиком и обратимся к свидетельству поэта, самому истинному свидетельству. Оказывается, и в наше прозаическое время поэт не забыл о волшебной силе пентакля.

Есть такая Царица Мух, отмеченная знаком пятерницы, которая ведает клады на болоте. У нее на груди пентакль чудесный весь в лучах изображен.

*На груди пентакль печальный
Между двух прозрачных крыл
Словно знак первоначальный
Неразгаданных могил
... ..
Если ты мечтой томим,
Знаешь слово Элоим,
Муху странную бери,
Мух в банку посади,
С банкой по полю ходи,
За приметами следи.
Если муха чуть шумит -
Под ногами медь лежит.
Если усиком ведет -
К серебру тебя зовет.
Если хлопает крылом -
Под ногами злата ком. (Н. Заболоцкий, т. 1. Царица мух.)*

Дизайнер! Поверь поэту, поищи клад!

Схемы пятичастных знаков из книги А. Голана «Миф и символ». — М, РУССЛИТ, 1994.

[На главную](#) > [Статьи](#) > **Пятерица**

Copyright © 2004—2008 [Миронова Ленина Николаевна](#), [Иванов Дмитрий Григорьевич](#)

Опыт нумерологической колористики, или число и цвет

Опасная шестерка – гексатида

[На главную](#) > [Статьи](#) > [Гексатида](#)

Немного мистики, она же математика

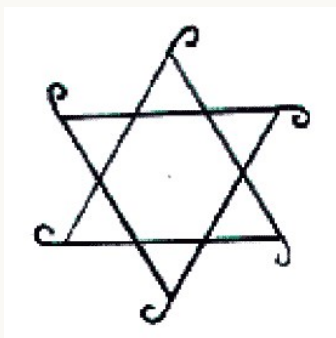
В коллективном сознании нашего современного общества (или в фольклоре, если хотите) прочно засело предубеждение против числа шесть. Оно якобы заключает в себе некое непоправимое зло, пришествие Антихриста с его числом зверя – 666. Почему-то всякий нехороший человек – предатель, подхалим, прислужник сильных мира сего – называется «шестеркой»; неискренно льстить кому-то – значит делать «шестью шесть». Откуда такая символика? Вряд ли простые советские люди знали изречение Пифагора: «Шестерка – символ ненасытности, невоздержанности в еде и питье, пустого тщеславия».

Кстати о Пифагоре: великий эллин в VI веке до н.э. предвосхитил открытие Фрейда о двойственной природе человеческой души. У каждого человека, утверждал Пифагор, есть Психе (женская часть души) и Эрот (мужская). Такую же двойственность приписывал Пифагор и богам. Нельзя сказать, что он решительно осуждал в своей мифологии или антропологии число 6 или 12 (хотя это четные числа). Более того, в своей математической науке Пифагор оценивает гексатиду как «совершенное число», производящее Большую Тетрактиду – $36 = 6 \times 6$, ту самую, которой клялись пифагорейцы.

Роль шестерицы в математике поистине чудесна.

Круг несоизмерим с квадратом, но легко делится на шесть частей хордами, равными радиусу; божественная пропорция – число фи, равное 0,618 – не обходится без числа 6, в то время как ряд Фибоначчи (это его современное название), из которого Пифагор получил число фи, не содержит ни 6, ни 12, ни 36. (Блистательное отсутствие божественных персон выделяет их из общего ряда!) Ещё раз геометрия свидетельствует о достоинстве гексатиды: вокруг точки на плоскости можно разместить без промежутков только шесть треугольников, четыре квадрата и три шестиугольника.

Тот же Дионисий Фрейер, который провозгласил решительное преимущество «неравных» чисел перед «равными», утверждает, что «шесть исходят из Единого, открываясь лишь в Нем едином». И даже более того: «Нет другой Гармонии, кроме как в этом Единстве».

Немного антропологии, она же мифология

Каббала возносит шестерицу на недостижимую высоту: шестая сефира Древа Жизни – Тифарет – означает красоту и гармонию, а также ценнейшее для всякого человека понятие – ЭГО. В чертеже Древа Жизни Тифарет занимает центральное место (вроде пупа); все шесть сефир верхней части Древа напоминают рисунок грудной клетки и головы человека, то есть вместилища души и духа.

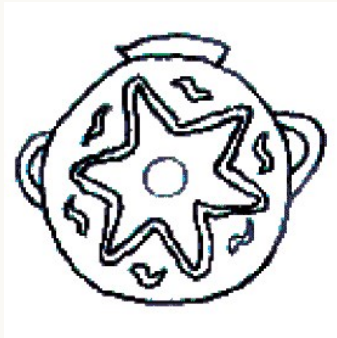

Сам Создатель произвел на свет множество прекрасных шестигранных форм: планету Земля (из шестигранного куба), кристаллы различных минералов, снежинки, цветы семейства лилейных с шестилучевой симметрией. Он построил мир из шести первоначал – четырех стихий и двух сил, разделил год на два полугодия по шесть месяцев, возжег на небе дважды шесть созвездий – знаков Зодиака, разделил горизонт на шесть частей (а вы думали, на сколько?) и сутки на 6x4 часа. Он создал великую армию шестиногих тварей; некоторых из них мы недолюбиваем, считая вредными, но ведь недаром их произвел Творец! В конце концов, Создатель сотворил мир в шесть дней и окружил себя шестикрылыми серафимами – это лучший аргумент в пользу ценности гексатиды.

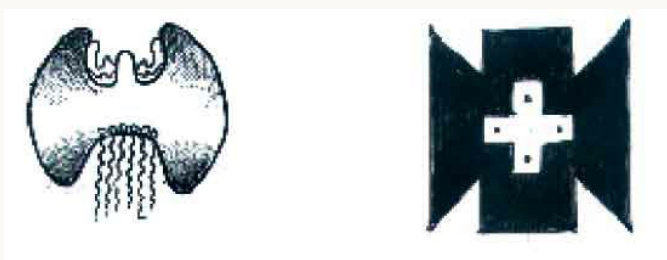
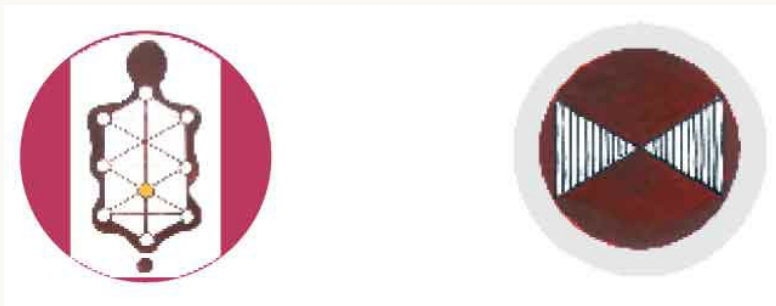
Не потому ли шестиконечная звезда – очень древний магический знак со времен неолита? Вплоть до позднего средневековья он был таковым у евреев, мусульман и христиан, и только с XII – XIV веков стал национальным и религиозным символом иудеев.

Дизайнер! Если ты носишь галстук-бабочку, знай, что это символ Великой богини-Матери, которую в старину звали Баба. От её шестичастного знака произошло название красивого насекомого, порхающего среди цветов – бабочки, или в просторечии – Бобо.

Увы! Бобо мертва, как засвидетельствовал Поэт.

Гексатида была «водным знаком» – эмблемой океанид (божеств, обитавших в воде), Афродиты, Урании и Венеры (родившихся из морской пены), Диониса (бога «веселящей

воды)), священной коровы Ио (источника самой питательной влаги), а также шести бессмертных Плеяд. Собственно говоря, вода, вино и молоко сами по себе не содержат зла, но перечисленные здесь божества тем или иным образом связаны с любовными делами античных богов, далеко не всегда свободными от греха: насилия, оргий, измен, злобного преследования. Не из этих ли древних корней выросло негативное отношение народа к шестерке?

Гексатида входит также в число 12, посвящённое мужеподобным богиням, вроде Анесидоры – женщины с бородой. Не отсюда ли пошло неприятное свойство «шестерки» – двойственность, двуличие? Кстати, Эрот-Протогон был двуполым и имел четыре лица (пригодится!).

Немного библеистики

В единобожной иудейской религии число шесть не столь божественно, как в древних языческих верованиях. Оно как бы лишено полноты, требует завершения; шестерке не хватает единицы, чтобы превратиться в божественную семерку. Иаков служил Лавану за дочерей его по 7 лет, а за скот 6 лет (Быт. 31:41). Седьмое, безусловно, лучше, чем шестое: Пусть он работает 6 лет, а в седьмой пусть выходит на волю (Исх. 21:2).

С точки зрения человеческой, покой лучше, чем работа: Шесть лет засевай землю твою, а на седьмой оставляй её в покое (Исх. 23:11).

Шестерка нехороша и по сравнению с пятерницей: в ней содержится лишняя единица. Человек, имевший по шести пальцев на руках и на ногах, – не только урод, но и богомерзкий грешник: он поносил израильтян и за это был убит (см. 2 Цар. 21:20).

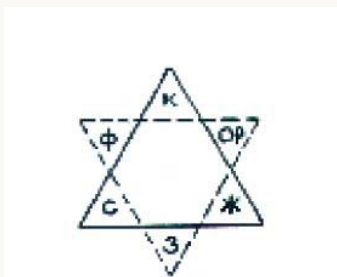
Языческий истукан Навуходоносора – тоже мерзость. Не потому ли высота его 60 локтей и ширина 6 локтей?

Всем известно, что Господь создал мир в шесть дней, но акт творения завершается в седьмой день – он завершается отдыхом от трудов. С тех пор заповедано: Шесть дней делай дела твои, а в седьмой день покойся, чтобы отдохнул вол твой и осел твой, и успокоился сын рабы твоей и пришлец (Исх. 23:12).

Дизайнер! Не суетись, соблюдай заповедь!

Изрядное количество колористики

Среди цветовых систем гексатида, пожалуй, королева или даже Великая Мать, возникшая из океана жизни и породившая множество других систем. Она появилась во второй половине XVIII века, и пророком ее был Иоганн Вольфганг Гете. Великий поэт и естествоиспытатель, он ощущал всем своим естеством единство феноменального мира и, конечно, единство противоположностей. Он заметил, что всякий цвет порождает в органе зрения реакцию сопротивления этому пришедшему извне раздражителю. Происходит феномен автоиндукции: возникновение цвета, противоположного наблюдаемому. Так, красный порождает в органе зрения зеленый (требует зеленого), желтый требует фиолетового, синий – оранжевого. Расположив основные цвета в вершинах равностороннего треугольника, Гете противопоставил им цвета-антиподы, названные контрастными. Получился второй треугольник – система цветов, контрастных к основным. Осталось совместить треугольники, соединить шесть вершин окружностью и получить шестиступенный цветовой круг.

Теория индукции, созданная Гете, впервые объяснила научным методом феномен цветовой гармонии. Теперь стало ясно, почему в живописи красный требует зеленого, а синий требует желтого. Теперь художник может простым экспериментом определить, какой цвет составит гармоничную пару с данным, наличным.

Шестиступенный круг был принят в качестве основы для цветowych систем многими поколениями художников. Достаточно назвать такие имена, как Шеврёйль, Рунге, Делакруа, Хёльцель, Бецольд, Кандинский, Клее, Иттен... Вплоть до наших дней эта система остается простым и удобным пособием для живописцев и дизайнеров всех специальностей. Шестиступенный круг может стать более подробной и точной системой, если преобразовать его в 12 ступенный простым делением каждого цвета на два оттенка или добавлением шести смешанных цветов второй ступени. Теоретик живописи Роже де Пиль уже в XVII веке построил 12 ступенный круг. Мы уже не задаемся вопросом – случайно ли, что в этой самой популярной цветовой системе фигурирует число двенадцать? То же самое число, которое образует группы и системы в астрономии (12 месяцев, 12 знаков зодиака), в мифологии (12 подвигов Геракла), в истории (12 колен израилевых, 12 апостолов), в деле обучения суфиев (12 учителей), в практике счета (дюжина) и даже в поэтике (по Аристотелю – 12 возражений против порицания поэтических произведений).

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ – об удивительной власти чисел над умами казалось бы неглупых людей. Вот один из примеров: в Петербурге есть некое эзотерическое общество – Петербургский клуб, где взращивают элитарную культуру, связанную с «Северной Пальмирой». В нем состоят 122 члена, и ни одним больше. Желающий вступить в клуб должен ждать, пока кто-нибудь из действительных членов отправится в «лучший мир». Почему именно 122? Потому что 122 метра – это высота шпиля Адмиралтейства.

Герой романа «Война и мир» Пьер Безухов вычислил значение имени Наполеона и своего собственного, увидел их тождество и на этом основании заключил, что он должен убить французского императора (Тут арифмология его подвела!).

Ещё один случай из жизни: один мой знакомый составил сумму дат рождения – свою, своей жены и дочери; на это число он загадал и выиграл в лотерее. В данном случае арифмология сработала.

Дизайнер! Верь числам. Помни, что числа – души вещей!

Первая статья была опубликована в журнале «Продизайн», №11

Опыт нумерологической колористики, или число и цвет

Число семь (септернер)

[На главную](#) > [Статьи](#) > **Септернер**

*Управляется мир Четырьмя и Семью.
Раб магических чисел — смиряюсь и пью.
Всё равно семь планет и четыре стихии
В грош не ставят свободную волю мою!
Омар Хайям*

Соблюдая традицию, припомним место и значение седмицы в истории культуры.

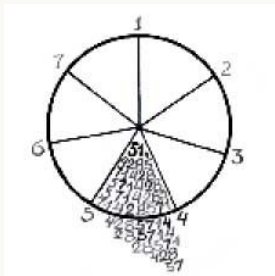
Оказывается, это число по своим удивительным свойствам выделяется из всех чисел декады и в чем-то сходно разве что с единицей (но об этом, как говорится, позже).

СВОЙСТВО ПЕРВОЕ. Септернер не имеет пластического символа ни в древних культурах, ни в новых. Его не изображают ни в виде креста, или круга, звезды, многоугольника, многогранника и т. д. Его не символизируют изображения руки, древесного листа, бабочки, змеи, улитки или еще каких-либо тварей.

Почему же это число неприкосновенно для образной интерпретации рукой художника? Поищем аналогии: Ветхозаветный Бог Яхве категорически запретил делать изображения богов — мнимых или настоящих, в том числе Себя Самого (Исх. 20,4; Втор. 4, 16 — 19 и др.). Аллах великий тоже запретил изображать себя, пророка Магомета и святых. Христианская церковь нарушила этот запрет, но не раз в истории возникали иконоборческие движения, инициируемые особо ревностными почитателями Священного Писания.

Наконец, протестантские церкви от эпохи Возрождения до наших дней не признают икон. Почему? Может быть, запрет иконопочитания в Библии — серьезная причина, но не главная. Еще существеннее древний благоговейный страх прикоснуться к святыне своими замаранными грехом руками, попытка сделать явной и наглядной божественную тайну, тем самым оскорбив ее. Ведь тайна принципиально нераскрываема, и не следует выдавать дело своих рук за образ божества. **Вот где кроется причина загадочного отсутствия семичастных знаков в культуре Древности.**

Седмица — это святая святых в первой десятке. Этим она сродни Единице (Монаде). Но Монада — это еще не число, это только начало Всего. Седмица же — число полноценное, дозревшее, совершённое и совершенное. Как же его изобразишь? Ведь нельзя разделить круг на семь равных частей при помощи циркуля и линейки. Да и транспортир тут не поможет: придется отмеривать от полюса круга пятьдесят один целый и четыреста двадцать восемь тысяч пятьсот семьдесят одну миллионную градуса в периоде — 51,428571. Веселая работа!

Естественно, не нашлось ни одного чудака из всего многомиллиардного человечества, который сотворил бы семичастную звезду в круге или правильный семиугольник. ... Впрочем, погодите. В XVI веке небезызвестный уже нам мистик Джон Ди изобрел колдовской язык для своих волхвований, включающий различные геометрические фигуры, и в том числе семиугольник и семилучевую звезду. Еремей Парнов утверждает, что **«Ничего подобного до Ди в истории магии не встречалось»** (Трон Люцифер. М., 1991, с.

252). Примите это как исключение, подтверждающее правило. Насколько известно, изобретение английского «чернокнижника», как называет его Е. Парнов, не прижилось в практике множества позднейших оккультистов и еретиков. Может быть, Всевышний сам оберегает свое священное число от осквернения еретиками? Примем на веру, что Седмица неизобразима, непостижима, неприступна и неразложима.

СВОЙСТВО ВТОРОЕ. Семерка неразложима на множители, то есть замкнута сама в себе; она не имеет «одного и того же родителя», по выражению Пифагора, (как, например, $2=1+1$, $4=2+2$, $6=3+3$); **она не рождена и не рождает**, в этом она подобна Афине Палладе, **которая лишена матери и приснодева**. Седмица в каком-то смысле богоподобна, и отсюда ее третье свойство.

СВОЙСТВО ТРЕТЬЕ. Септернер — число мистическое, им исчисляются вещи нерукотворные и неосязаемые. По Пифагору это — свет, ум, время, количество небесных тел и порядковый номер Солнца в космосе. Числом 7 отмеривается время — от Древней Месопотамии до наших дней. Неделя состоит из 7 дней, так как сотворение мира продолжалось столько же; в архаической Греции месяц состоял из 28 дней, т.е. четырех седмиц. Одиссей жил у волшебницы Калипсо 7 лет. Земля, по учению Каббалы, трудится 7×7 лет, после чего должна отдохнуть (это называется «юбилей»). Седьмая сефирота Древа жизни называется «истина», или «сверхчувственное» — оба эти понятия получили порядковый номер семь в силу своей абстрактности и таинственности.

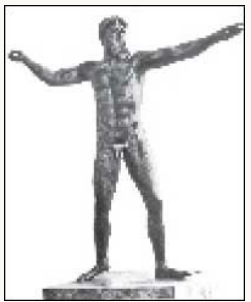
СВОЙСТВО ЧЕТВЕРТОЕ. Число семь исчисляет все самое священное, богоданное, богодухновенное, пророческое. Премудрый Пифагор насчитывал семь богов и титанов — детей Крона и Реи. Вот список этой «великолепной семерки»: **Зевс, Аид, Посейдон, Гера, Гестия, Деметра, Пан.**

Зевс

Аид

Посейдон

Гера

Деметра

В Священном Писании число 7 составляет как бы доминантную ноту в музыкальном произведении. Оно упоминается в тексте 119 раз, т.е. 17 раз по 7; кроме того, 14 раз названы числа типа $70+n$ (72, 75 и др.); 37 раз — 70; 7 раз — $700+n$; 12 раз — $7000+n$. Всего числа, начинающиеся на 7, упомянуты 189 раз, что равняется $119+70$, или 7×27 (это сравнимо только с числом упоминаний тернера). Разве не удивительно и не загадочно? Первая фраза Ветхого Завета — увертюра ко всей Книге — содержит семь слов: **«В начале сотворил Бог небо и землю»**.

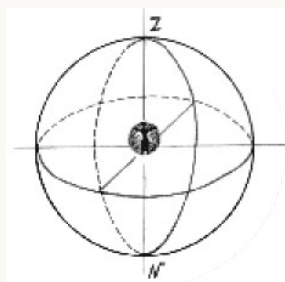
В Библии числом 7 измеряется время священных событий, количество жертв Богу, целебных омовений, благословенных сыновей; в книге «Откровение» фигурируют 7 ангелов, 7 духов Божиих, 7 громов, 7 звезд, 7 чаш. Семь — число божественное, значит чудесное, оно сопутствует чудесам, творимым Богом. По Его повелению **«даже бесплодная рождает семь раз»** (1-я Цар. 2:5). Если же явлен пророку злой демон — зверь с 7-ю головами, то он уже не страшен, **«он был и нет его, и выйдет из бездны и пойдет в погибель»** (Откр. 17:8).

Шведский ученый Карл Сабьерс исследовал текст Библии с целью определения в нем места и значения числа семь. Получилась целая книга.

Мистики Нового и Новейшего времени отводят септернеру не менее значительную роль, чем древние. Карл Эккартсгаузен (XVIII в) суммирует священные свойства седмицы: *«Число 7 содержит великое таинство возрождения, 7 даров Духа Божия. Оно называется числом свободы, или числом возвращения Благодати; в нем сокрыты великие таинства 7 печатей, 7 столпов Храма Премудрости и 7 степеней благодати... 7, 7 и 7 показывают пути восхождения, очищения, созерцания и соединения; потому-то 7 покаянных псалмов, 7 лет отпущения у древних — всё символ, всё отпечаток...»* (Ключ к таинствам природы. Спб., 2001, с. 410, 411).

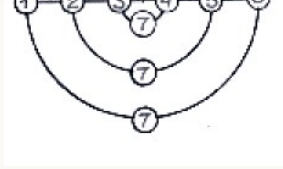
Якоб Бёме (XVII в) насчитывает семь свойств Вечной Природы, и седьмое ее свойство — "Обитель Природы", то есть единство всех ее предыдущих шести свойств, или «дом всех остальных шести» (Якоб Бёме. Ключ. В кн.: Герметическая космогония. Спб., 2001, с. 215). Вот Вам, читатель, головоломка в духе китайского списка животных, над которым так долго смеялся Мишель Фуко (см. «Слова и вещи»): попробуйте графически изобразить список неких объектов, в котором один из объектов является сочетанием (суммой) всех остальных, в том числе и себя самого. У меня это не получилось: я не мастер абсурда. Хотя, думаю, возможна такая схема — рис. 1. Здесь семерка появляется в результате сложения симметричных чисел: $1+6$, $2+5$, $3+4$. На оси чисел ее нет, но она присутствует здесь незримо, что вполне соответствует ее природе.

СВОЙСТВО ПЯТОЕ. Септернер не имеет аналогов в животных или растительных формах. Изредка встречаются 7-частные листья (каштан), 7-лепестковые цветы (причем они растут на одном корне с 5- или 6-лепестковыми братьями); что же касается исчисления деталей тела человека и животных — то тут полная неясность: слишком много этих деталей. Но окружающее человека пространство действительно характеризуется семью главными точками. Это: центр (сам человек), левое и правое направления, передний и задний обзор, зенит и надир.

СВОЙСТВО ШЕСТОЕ. Септернер замыкает числовой ряд — не «натуральный», а «сакральный». Все числа декады после семерки являются производными от первых семи: $8=4 \times 2$, $9=3 \times 3$, $10=2 \times 5$. Сакральный ряд начинается от единицы и кончается седмицей. Значения этих двух чисел во многом совпадают, они закономерно сближены, что позволяет замкнуть этот числовой ряд в круг, и этот круг получается **семичастным**.

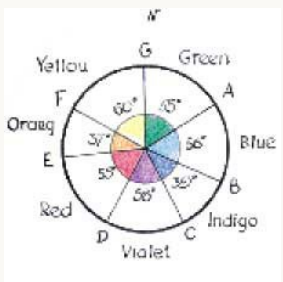
Наконец мы подошли к седьмому свойству септернера и вместе с тем к разгадке тайны семиступенного круга Ньютона.

СВОЙСТВО СЕДЬМОЕ. Число семь не может быть основанием цветовой системы. Почему? Если смотреть в корень, то об этом достаточно сказано выше, где речь идет о первом и третьем свойствах седмицы. Ее нельзя изображать; она исчисляет и символизирует вещи духовные, умозрительные, священные. К таким вещам относится свет как феномен трансцендентный, как символ самого Бога. Что же касается **цвета** — **то это ощущение, это вещь чувственная**, обусловленная электрохимическими процессами в живых организмах, т.е. феномен материального мира. По мысли Шопенгауэра, цвета — это энергетические состояния ретины (сетчатки)... Вы скажете, что в радуге небесной семь цветов; Вас этому научили в детском саду, — еще и пропели Вам стишок про охотника и фазана для запоминания порядка цветов в спектре (радуге). А потом рассказали сказочку про цветик-семицветик. Чем же это не системы?

Если у Вас в школе был хороший учитель физики, и если Вы посещали его уроки, он мог Вам сообщить, что нормальный «средний наблюдатель» различает в спектре белого света десять цветов, а в хорошем спектроскопе — 120. Аристотель видел в радуге три цвета, а мы с вами — не больше четырех. Понаблюдайте спектральные лучи в хрустале, бриллиантах, капельках росы: много ли отдельных цветов Вы там насчитаете? Они будут «бесконечно преломляться» (выражение К. Малевича), сверкать и играть перед Вашим взглядом, не позволяя зафиксировать себя в строгом порядке. **Цветовые системы и, в особенности, многоцветные — это произведения человеческих рук и ума, желающих наводить во всем порядок.** В природе четких цветовых систем не существует; есть некоторые относительно устойчивые сочетания по два-три цвета, которые мы называем системами для удобства речи.

Выведем отсюда мораль: известные детям семицветные радуги и цветочки — не более, чем мифы. Они заняли прочное место в детской литературе и фольклоре. Пусть там и пребывают.

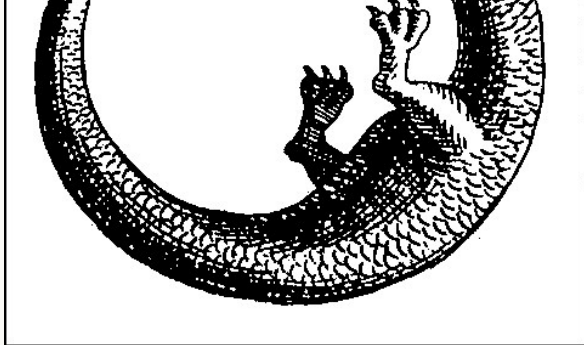
Почему же великий Ньютон создал 7-ступенный цветовой круг, который мы можем видеть в его гениальном труде «Оптика» (1675 г.)? Дело в том, что этот круг — не специфически цветовая, а музыкально-математическая схема. Круг разделен на 7 частей, **«пропорциональных семи музыкальным тонам, или интервалам восьми звуков — соль, ля, фа; соль, ля, ми; фа, соль, т.е. числам 1/9, 1/16, 1/10, 1/9, 1/16, 1/16, 1/9»** (Оптика, Предложение VI, задача II). Разделяя круг таким образом, Ньютон думал не о цветах и их протяженности в спектре, а о музыкальных нотах.

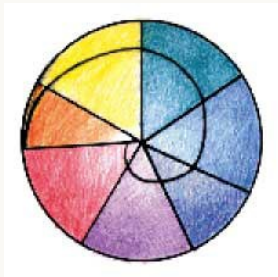
А почему, собственно, спектр оказался замкнутым в круг — ведь он на выходе из призмы представляет собой полосу? Думаю, что это действие было подсказано ученому идеей замыкания звуков октавы — от нижнего до — к верхнему. Кроме того, числовой ряд от 1 до 7 также замыкается подобно змею на старинной алхимической эмблеме, кусающему собственный хвост.

Цветовой круг Ньютона не прижился в практике. Впоследствии он был заменен более простыми и удобными схемами с числом цветов 8, 10, 6, 12, 24 и так далее — до 72. Но радуга с ее мифическим семицветием осталась для поэтов, философов и детей идеалом богоданной красоты, источником вдохновения и знаком Божьей благодати.

Дизайнер! Прежде, чем что-либо отрезать — семь раз отмерь!

Впервые статья была опубликована в журнале «Продизайн», №12

[На главную](#) > [Статьи](#) > [Септернер](#)

Copyright © 2004—2008 Миронова Ленина Николаевна, Иванов Дмитрий Григорьевич

Опыт нумерологической колористики, или число и цвет

Восьмерка (двойной четвертернер)

[На главную](#) > [Статьи](#) > [Двойной четвертернер](#)

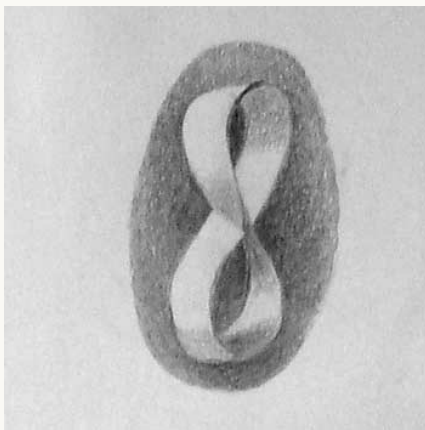
Двойная четверка содержится в системе творения.

Карл Эккартсгаузен

В одном из рассказов Артура Кларка есть такой драматический сюжет: герой выходит в путь, движется всё время вперед, не меняя направления, а приходит точно в то место, из которого вышел. История имеет печальный конец: не умея понять случившегося, герой повредился в рассудке и вскоре умер. По-видимому, сюжет этого рассказа писатель позаимствовал из древнего восточного фольклора. Аналогичная история происходит с героем рассказа Идриса Шаха «Рай из песни». Мудрый кузнец Ахангар добрался до тщательно огороженного Рая и увидел там, в точности такую же деревню, из которой он вышел в путь, с теми же людьми. Пытливый человек открыл симметричность мира, двойственность его; не выдержав этого знания, он «быстро состарился и умер».

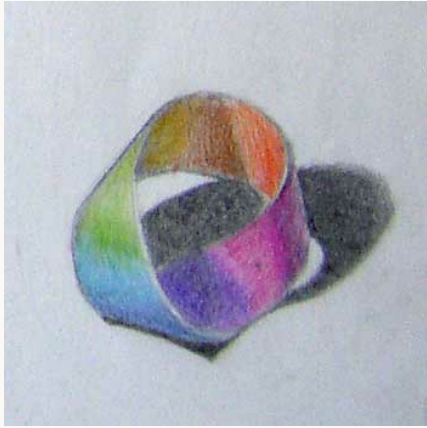
«Тайна симметрии всего сущего невыносима для людей. Лишь раз в тысячу лет этот секрет виден человеку, — заключает Идрис Шах. Когда он видит это, он (человек) изменяется; когда он рассказывает голые факты другим, они лишаются сил и умирают... Люди считают, что такое событие — катастрофа, и поэтому они не должны знать о нем»...

Мы с Вами, уважаемый читатель, можем проделать такое же умопомрачительное путешествие в миниатюре, не выходя из комнаты и не нуждаясь в ишаке или верблюде. Всё, что нам понадобится — это полоска бумаги и капля клея. ...Наверное, Вы догадались, что речь идет о ленте Мёбиуса.

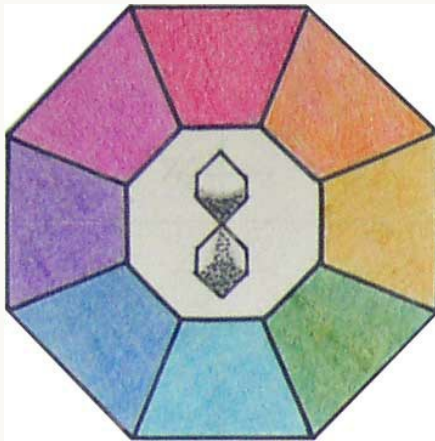

Мысленное путешествие по ней приводит к результатам, не менее загадочным, чем путешествия героев старинных легенд. Это небольшое замысловатое колечко обладает удивительными свойствами: у него одна поверхность и один край, хотя мы видим и осязаем две поверхности и два края. Разрешим сразу этот парадокс: мы видим и осязаем фрагмент ленты, ее небольшой отрезок. Здесь действительно, всё «нормально». Если же проследить путь точки (допустим, муравья) по ленте-то насекомое не заметит какой-либо разницы поверхностей, а также, ползя по краю ленты, ни разу не пересечет ее, чтобы перейти на другой край. Иными словами, ни другой поверхности, ни другого края не существует.

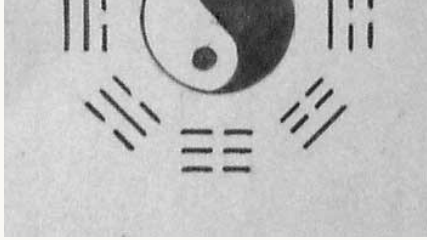
Я чувствую, читатель в нетерпении, какое отношение всё это имеет к числу восемь? Спешу ответить: самое прямое. Ведь загадочная фигура ленты Мёбиуса при взгляде «в профиль» имеет форму восьмерки. И это не только визуальное сходство. Положите восьмерку на бок — получится знак бесконечности. По этому знаку можете скользить без конца: здесь нет ни исходной, ни конечной точки; движение нигде не начинается и нигде не кончается. *Не таково ли движение Времени и природа Пространства? И разве случайно песочные часы имеют форму восьмерки?*

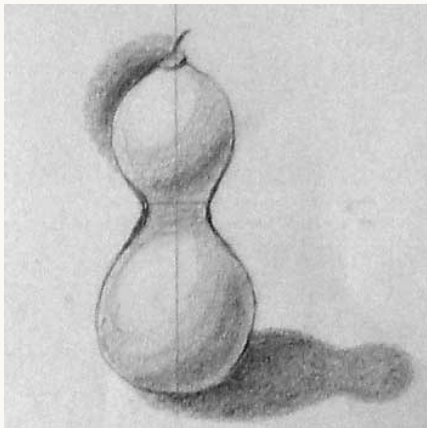
Есть у восьмерки еще одно ценное свойство, благодаря которому её возлюбили восточные боги и мудрецы: это число четно-четное. Оно состоит из двух четвертернов (четвериц), а каждая четверица, в свою очередь — четное число. Сама конфигурация восьмерки дважды симметрична. В ней можно усмотреть верх и низ, небо и землю, правое и левое, мужское и женское. Космический процесс разделения Единого надвое повторяется во всяком живом организме, состоящем из клеток. Перед тем, как раздвоиться, клетка принимает форму восьмерки. Возникает вопрос: почему западная философия (в особенности та её часть, которая склонна к мистицизму), предпочитает нечетные числа, усматривая в них знаки Духа, Трансценденции, Абсолюта? «Неравные числа — божье наслаждение», свидетельствует Дионисий Фрейер (Парадоксальные эмблемы). Платон признает во всех вещах не только два начала, но ещё и третье как причину или связь этих двух. Среди пластических символов в культуре Запада самый трансцендентный — треугольник, поскольку он символизирует Святую Троицу. В почете также пятерица, седмица и девятка. Все нечетные числа первой десятки получили явное преимущество на Западе.

А на Востоке? Логически рассуждая, здесь всё должно быть не так, как на Западе. Ведь недаром сказано: *«Как далеко восток от запада, так удалил Он от нас беззакония наши»*. (Пс. 102,12) Что касается четных чисел — то наше ожидание оправдывается.

Взгляните на «Книгу книг» Древнего Китая — И цзин. Её эмблема — восьмиугольник, в котором размещены **восемь** гексаграмм по **шесть** черточек в каждой; центр занимает схема Ян — Инь — воплощенная двойственность, стремящаяся к единению, то есть к возврату в первоначальное состояние нераздельности начал. Основу «Книги перемен» составляют 64 (т.е. 8x8) гексаграммы. Чтобы не забыть это священное число, китайцы вывели породу тыквы, видом подобную восьмерке. Высушенная и пустая внутри тыква служила сосудом для воды или вина (которое китайские поэты предпочитали воде). Скользя взглядом (или рукой) по бесконечным изгибам-извивам тыквы, поэт подсознательно воспринимал идею вечного движения по кругу — от рождения к смерти и от смерти к воскресению, от жизни к небытию и от небытия к повторному рождению; от сотворения к гибели и обратно к сотворению. Процесс этот не имеет ни начала, ни конца.

Кончен мой стих, не закончены думы, однако, — так выразил суть явления Сыкун Ту, поэт Старого Китая.

Идея вечного движения и возврата возникла в культуре древнейших народов; жива она и у современных «примитивных» племен. Обряды инициации у аборигенов Австралии, Новой Гвинеи, Африки и т.д. изображают ритуальную смерть посвящаемых и следующее за нею воскресение или новое рождение. В итоге посвячительных обрядов «главный жрец открывает неопитам тайну — за смертью всегда следует воскресение». (Элиаде М. Тайные общества и обряды инициации и посвящения) Живые постоянно чувствовали присутствие умерших предков, которые возвращались, чтобы принять непосредственное участие в жизни людей.

В ритуалах посвящения колесо бытия совершало полный круг, история племени зеркально отображала историю Мира, небесное опускалось на землю, а земное поднималось в небеса, чтобы снова опуститься на землю для приобщения следующего поколения к священной истории Мира, к духовной культуре. И этому движению не было конца, как и путешествию по ленте Мёбиуса (или по восьмерке).

В аборигенных культурах повсюду видим четность времени, пространства и человеческих дел. Первые слова членораздельного языка были, по-видимому, двойными: тамтам, пурпур, дзе- дзе, нула- нула, цеце, хуту- хуту... Всякое совершенство содержало в себе два симметричных начала: сутки — это день и ночь, год — зима и лето, человек — мужчина и женщина. Антропоморфные боги были двуполовыми: Сурья, Кришна, Эрот, Зевс (имея вполне мужественную внешность, он был способен к деторождению). У многих аборигенных племен при инициациях девушки носят мужскую одежду, а мальчики — женскую; кроме того, у мальчиков вызывают кровотечение, чтобы уподобить их женщинам.

«В мифическом мышлении, — пишет М. Элиаде, — прежде, чем стать индивидуальным, необходимо стать тотальным. Двуполость воплощает тотальность, а, следовательно, — совершенство».

Особым уважением у древних народов пользовались близнецы. Их четность и симметрия

были свидетельством необычных свойств, богоизбранности.

Четными числами размечена жизнь Будды и его бессмертные идеи. Уйдя из родного города, он просидел в лесу шесть лет, затем открыл четыре великие истины и благородный восьмеричный путь, ведущий к прекращению зла и страданий. Впоследствии символом буддизма стало «колесо Закона» с восемью спицами. В переводе на язык понятий это метафора безостановочного движения жизни, круговорота бытия...

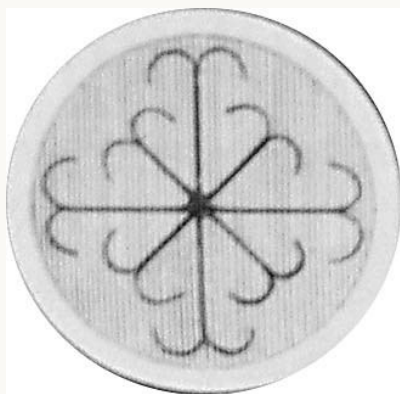
В Тибетской Книге мертвых описаны восемь форм сознания, свойственных человеку. Их олицетворяют 8 бодхисаттв мужского пола и 8 — женского. Первые воплощают типы сознания, а вторые — объекты осознания. Эти восемь пар кружатся в бесконечном танце, то сходясь, то расходясь, символизируя слияние противоположностей в сознании, расширенном до бесконечности. (Фримантл Ф. Сияющая пустота) Особенно наглядно это выражено в одной из тибетских икон, где в центре 8-лепесткового лотоса восседают божества Самантабхадра и Самантабхадри в тесном объятии.

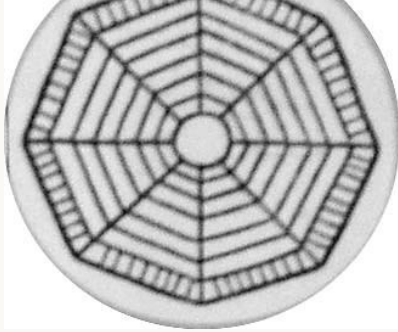

В Древнем Иране, стране Заратуштры, мир четко расчислен и организован по принципу дуализма. Главные числа здесь — четные, кратные двум. Создатели мира — два бога — Ормузд и Ариман, соответственно сияющий и темный, добрый и злой. Светлому Ормузду возносят молитвы, которые составляют книгу Ясн из 72 глав ($72 = 8 \times 9$); гаты (песни) Заратуштры, пророка Ормузда, насчитывают 17 глав (корень этого числа — 8). Время и пространство также исчисляются четными числами: в году имеется четыре фиксированные точки положения Солнца на горизонте и соответственно четыре астрономические даты — летнее и зимнее солнцестояния, весеннее и осеннее равноденствия. На компасе отмечаются также промежуточные точки: СВ, ЮВ, ЮЗ и СЗ. Итак, насчитывается восемь сторон горизонта и соответственно восемь астрономических дат — прочная и вечная основа исчисления времени и структуры пространства на Земле. А ведь это Время создал великий Ахура-Мазда!

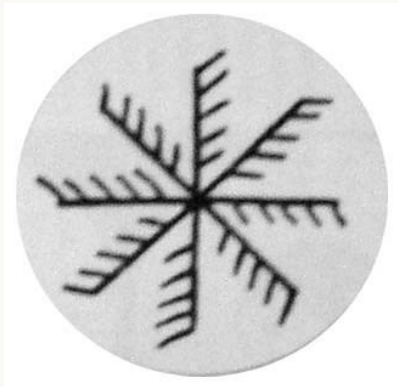
Так говорил Заратуштра...

Символика древних восьмиугольников и восьмиконечных звезд происходит от восьмичастной структуры земного пространства и времени. У шумеров, халдеев, индусов, египтян восьмиугольные эмблемы означают Землю или Солнце. Языческим богам (например, Перуну), посвящают 8 костров, на страже мира стоят 8 богов (Индия), календарные циклы состоят из восьми лет (Крит), у вавилонского бога Эйя, отца Мардука, 8 придатков на шапке, два лица и четыре юбки.

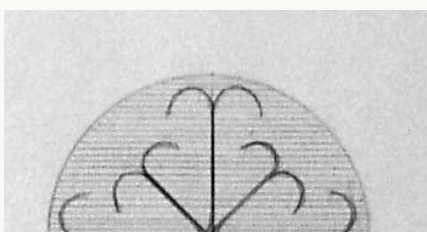
У мусульман 8-угольная звезда — символ царской династии Ахеменидов; в Каббале восьмая сефира обозначает Рок (по Эккартсгаузену); по У. Парфитту — великолепие, мышление, а также «Ход» — совершенный ум, правдивость, центр сознания.

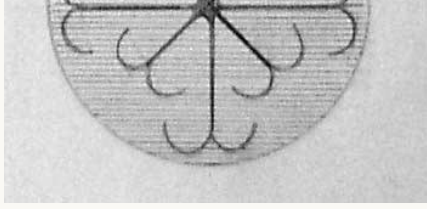

Суфии также почитают восьмерицу. *«Восьмерка символизирует собой совершенство выразительности, восьмиугольник, и олицетворяет... кроме всего прочего, куб».* (Идрис Шах. Суфизм)

Пожалуй, можно не продолжать приводить примеры значений восьмерицы в восточных культурах и священных книгах. Они весьма многочисленны, но все произрастают от одного корня (фигурально выражаясь), а именно, от космогонии и астрономии. Однако Космос с его идеальной симметрией и вечным возвратом к началам внушает мысль о тождестве парных категорий, в том числе о тождестве жизни и смерти. Вот здесь, думается, можем найти ответ на заданный выше вопрос о различном отношении Запада и Востока к четным числам. В четности — обещание смерти, так как смерть симметрична жизни. Восток не боится «прервать цепь рождений и смертей», то есть принять небытие как благо. Западные мыслители, напротив, готовы отвергнуть четность и симметрию как путь к смерти. Они предпочли «неравные числа, уводящие от жизненных проблем в мир Единого, Неразложимого, Бессмертного, Вечного».

Дионисий Фрейер изображает одну из своих парадоксальных эмблем в виде 8-лучевой фигуры (№ 117), сопровождая ее комментарием : *«Такова тьма»*. На любом наречии понятие «тьма» негативно. Очевидно, симметрия и восьмеричность этой фигуры истолкованы как признаки зла.

Наши современники не утратили чувства «ужаса перед симметрией», хотя наука XX века открыла антимиры во всех областях бытия от атома до космоса. Томас Манн, например, ощущает в симметричных снежинках *«нечто зловещее, антиорганическое, враждебное жизни... жизнь содрогается перед лицом этой точности, этой абсолютной правильности, воспринимает ее как смертоносное начало, как тайну самой смерти»* (Манн Т. *Волибная гора*).

В рассказе Х.Л. Борхеса «Смерть и компас» повторяется мысль А. Кларка и Т. Манна об опасности симметричных конфигураций. Детективная история, описанная в рассказе Борхеса, происходит на фоне структурной сетки из ромбов, где симметрично не только пространство, но и время. Регулярные убийства происходят в четырех вершинах ромба, причем последнее убийство — в доме, построенном абсолютно симметрично. Самый вид этого дома внушил следователю тяжелые предчувствия. Он раскрыл тайну серии убийств, но за это заплатил собственной жизнью.

Колористика

Здесь, число восемь со всей его симметрией и безостановочным движением совершенно безобидно. Самая популярная и простая цветовая система — 8-ступенный цветовой круг. Он строится легко и просто — круг делится на восемь частей двумя крестами — прямым и косым; площади всех секторов равны. Остается только разместить цвета по секторам в спектральном порядке — и схема готова. Она немного похожа на изображения солнца и земли, но вместе с тем принципиально отличается от них. Главными осями симметрии в этом круге являются не вертикальная и горизонтальная, а оранжево-синяя и пурпурно-зеленая.

Первая ось — это диаметр, разделяющий круг на «теплую» и «холодную» половины, вторая (т.е. пурпурно-зеленый) делит круг на «активную» и «пассивную» половины (по терминологии Гете). Как и следовало ожидать, простота схемы не всегда обеспечивает ее точность. Для более точных и дифференцированных цветовых систем используются 24-ступенные круги (Оствальда, Рабкина), которые можно построить, разделив каждый сектор 8-ступенного круга на три части, соответствующие трем оттенкам каждого цвета. Затем из 24-ступенного круга можно таким же способом получить 72-ступенный. Изображая в красках этот круг, можно прочесть все главы Ясн, пользуясь цветовой схемой как четками — по одной главе на один сектор.

Такой круг был построен во Франции Шеврёйлем в конце XVIII века. Вот на какие подвиги вдохновляет революционное время!

Ввиду всего сказанного я думаю, что на суде истории восьмерица была бы оправдана: ее четно-четная симметрия — это неотъемлемая составная часть порядка, равновесия, гармонии.

В заключение дадим слово академику Эстонской АН космологу Густаву Наану: *«Симметрии, проявлениями которых являются постоянные законы, обеспечивают существование мира и возможность нашего существования»*. (Творчество №4, 1984г.)

Первая статья была опубликована в журнале «Продизайн»